

ЭЛЬМИРА ШАБУРОВА

АННУНАКИ
ИДУТ...

Эльмира Шабурова

Аннунаки идут...

«Автор»

2026

Шабурова Э.

Аннунаки идут... / Э. Шабурова — «Автор», 2026

Когда небеса над Москвой и Уралом разверзлись порталами, из них вышли не завоеватели с лазерными пушками, а Творцы — Аннунаки. Их цель — не порабощение, а «санитарная обработка». Человечество оказалось лишь бракованным экспериментом, вирусом в их идеальной системе. Древние Узлы силы пробуждены, чтобы высосать эссенцию Земли, оставив после себя выжженную пустыню. Лейтенант Алексей Базальт должен был погибнуть вместе со всеми. Но вместо смерти он получил наследие Предтеч и кибернетический протез, ставший ключом к технологиям захватчиков. Собрав горстку выживших — от фанатичного профессора до киборга-майора Глыбы, — он возглавляет отряд специального назначения «Звезда». Их миссия невозможна: прорваться сквозь армии полубогов, захватить орбитальную станцию врага и запустить протокол «Обратная Волна», вернув Творцам их же оружие. Это история о последнем шансе человечества, где главным оружием против совершенной логики машин становится человеческая ярость, самопожертвование и право на ошибку

© Шабурова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Эхо в костях	5
Глава 1. Ультиматум Творцов	12
Глава 2. Пробуждение в тишине	20
Глава 3. Свидетельство Степановны	25
Глава 4. Столкновение в руинах	32
Глава 5. Спецотряд «Звезда»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эльмира Шабурова

Аннунаки идут...

Глава 1. Эхо в костях

Сигнал пришел не по радио и не через спутники связи, которые к третьему дню Великого Молчания превратились в бесполезные куски мертвого кремния на орбите. Он ударил прямо в затылок майора ВДВ Андрея Соколова, когда он пытался развести огонь из отсыревших обломков пластикового паркета в разгромленной гостиной своей бывшей квартиры на окраине Новосибирска.

Это была не мысль. Мысль можно прогнать, списать на усталость или контузию десятилетней давности. Это было физическое ощущение чужеродного кода, вплавленного непосредственно в синапсы. Словно кто-то взял его мозг — сложный, несовершенный, но принадлежащий только ему механизм — и вставил в него раскаленную флешку.

Сначала пришла боль. Ослепляющая, белая вспышка за глазами, заставившая выронить зажигалку. Пальцы сами собой скрючились, сдирая ногти о линолеум. Соколов зарычал, пытаясь выдавить чужой звук из собственной гортани. А затем пришло Знание.

Оно легло поверх привычной картины мира грязным, тяжелым одеялом. Майор видел перед собой обугленный угол дивана, лужу талой воды, натекающую с потолка, и автомат АК-12, прислоненный к стене. Но теперь сквозь эти предметы проступала их истинная суть. Диван был набором углеводородных цепей, вода — скоплением полярных молекул, а сталь автомата кричала о примесях марганца и хрома. Мир лишился иллюзий, названий и смыслов, оставив лишь голую физику и химию. И над всем этим висела формула распада.

— Тринадцать минут, — прохрипел Соколов, глядя на часы. Его голос звучал ровно, механически, лишенный всякого человеческого страха. — До полной остановки сердца. Гемоглобин теряет способность связывать кислород. Митохондрии прекращают выработку АТФ. Клеточные мембраны коллапсируют при температуре тела.

Он говорил это не потому, что внезапно стал врачом-диагностом. Информация просто транслировалась в его сознание, как бегущая строка на экране банкомата. *Проект «Эдем» признан неэффективным. Уровень девиантности носителей превышает допустимый порог в 47.3 раза. Запущена процедура санации.*

За окном, выходящим на забитую брошенными автомобилями улицу, небо больше не было небом. Третьи сутки там пульсировала багровая опухоль. Грозовые фронты не двигались с запада на восток, они стояли вертикально, словно гигантские столбы соленой воды в невесомости. Молнии били не вниз, ища землю, а вбок, прошивая само пространство длинными черными шрамами. Воздух пах озоном так густо, что им невозможно было дышать — легкие мгновенно покрывались ледяной коркой химического ожога.

Соколов поднялся. Боль в затылке отступила, сменившись леденящей пустотой. Чужой протокол полностью перехватил управление вегетативной нервной системой. Паника, ужас, отчаяние — все человеческое сгорело в той белой вспышке. Остался оператор. Биологический терминал, которому дали последние инструкции.

Майор подошел к окну. Город внизу умирал красиво и страшно. Не было криков, не было взрывов мародеров — Великий Хаос первых суток уже выгорел, оставив после себя звенящую тишину и сизый дым. Люди просто падали там, где стояли. Водители засыпали за рулем своих «Тойот» и «Лад», касаясь холодеющими руками клаксонов, отчего над Новосибирском стоял монотонный, сводящий с ума гул. Матери отпускали руки детей, чтобы осесть на асфальт бес-

форменными куклами. Их убивал не вирус и не радиация. Их убивало отключение. Тот самый сигнал, который сейчас переваривал остатки личности самого Соколова.

Его взгляд зацепился за движение. Далеко, возле недостроенной высотки на другой стороне проспекта, метнулась быстрая тень. Она перемещалась рывками, игнорируя законы инерции. Существо то застывало в воздухе, то преодолеvalo двадцать метров за долю секунды. Оно не бежало по воздуху — оно переподключало координаты своего тела в локальной сетке пространства.

Соколов знал, кто это. Вернее, Протокол знал. *Объект: Аннунаки. Класс: Искарри. Функция: Сбор биоматериала.* Они не были богами с глиняных табличек Шумера. Боги требовали поклонения, молитв и жертвенных баранов. Этим же было плевать на веру человечества. Для них люди оказались всего лишь неудачным биологическим принтером, напечатавшим бракованный тираж. И сейчас Инспекторы обходили цеха, выключая станки.

Пальцы Соколова, действуя абсолютно автономно от его воли, отстегнули магазин АК-12. Проверили наличие патронов. Семьдесят шесть бронебойных сердечников калибра 5.45. Смехотворно. Попытка комара остановить бензопилу.

Протокол внутри головы оценил ситуацию. *Вероятность поражения цели: 0.0000001%. Вероятность инициации протокола самоликвидации: 99.9%.*

Соколов улыбнулся краем рта. Впервые за три дня его лицевые мышцы сократились без внешней команды, повинаясь какому-то древнему, первобытному остатку сарказма. Самоликвидация. Как официально звучит слово «смерть».

Он передернул затвор и шагнул к выходу из квартиры.

Улицы встретили его запахом озона и сладковатой вонью некроза. Соколов шел по проспекту Димитрова ровным, механическим шагом, каким ходят патрульные дроны. Его глаза сканировали пространство, разбивая его на сектора обстрела, вычисляя углы падения теней и плотность завалов. Автомат лежал в руках удобно и привычно, став единственным островком реальности в сошедшем с ума мире. Металл успокаивал. Металл подчинялся законам физики, а не воле пришельцев.

Гул автомобильных клаксонов становился громче по мере приближения к центру города. Это был реквием. Симфония миллиардов оборванных жизней. Соколов переступил через тело девушки-курьера. Ее ярко-розовый рюкзак с логотипом доставки еды валялся рядом, из пробитого термоса вытек холодный кофе. На лице курьера застыло удивление. Она умерла, вероятно, проверяя телефон — сообщение от системы «Заказ отменен» так и осталось гореть на разбитом экране.

Ошибка дизайна, — прошелестел в голове голос Протокола. — *Привязка критических функций жизнеобеспечения к внешним устройствам уязвимой архитектуры.*

Соколов пнул рюкзак ногой. Ему хотелось ярости. Хотелось ненависти к тем, кто переписывал правила игры посреди матча. Но вместо эмоций внутри работал только холодный процессор. Он дошел до пересечения с улицей Ленина. Площадь перед Театром оперы и балета представляла собой кладбище элитных автомобилей. Здесь всегда парковались дорогие внедорожники и представительские седаны. Сейчас их лакированные борта были исцарапаны ногтями тех, кто в панике пытался укрыться внутри, прежде чем электроника машин тоже сошла с ума, заблокировав двери навсегда.

Искарри появился прямо из воздуха в двадцати метрах над землей.

Для человеческого глаза это выглядело как сбой видеоряда. Вот пустое серое небо, затянутое свинцом, а вот — фигура, сотканная из ртути и синего статического электричества. Рост под два с половиной метра. Вместо лица — гладкая зеркальная поверхность, в которой отража-

лось перекошенное багровое небо Сибири, но не отражался сам Соколов. Три красных визирных точки медленно скользили по этой зеркальной маске, сканируя периметр.

Аннунак не носил брони. Броня была частью его биологии — хитином и жидким металлом одновременно. За спиной существа лениво переливался гравитационный купол, искажающий перспективу. В одной руке Искарь держал предмет, похожий на стилизованного скарабея, сделанного из черного обсидиана. Скарабей слабо шевелил лапками.

Соколов вскинул автомат. Приклад плотно уперся в плечо. Мушка совместилась с целиком. Ровное дыхание — вдох на четыре счета, выдох на шесть. Базовая стрелковая подготовка, вбитая в мышечную память годами учебок.

— Огонь на подавление, — вслух произнес майор. Голос прозвучал хрипло, горло пересохло от озона.

Тишину разорвал треск очереди. АК-12 забился в руках живым зверем. Гильзы зазвенели по растрескавшемуся асфальту. Трассирующие росчерки устремились вверх. Снаряды вошли точно туда, куда целился Соколов — в центр грудной клетки прищельца. Бронебойные сердечники должны были превратить внутренние органы любого земного существа в фарш.

Искари даже не пошевелился. Красные визиры на его гладком лице на мгновение зафиксировались на человеке. Пули достигли цели. Они врезались в мерцающую оболочку вокруг груди аннунака, вспыхнули ослепительно-белым светом и испарились, не оставив даже царапины на зеркальной поверхности. Воздух наполнился запахом жженой меди.

Анализ угрозы завершен. Объект классифицирован как "Биомусор-А".

Черный обсидиановый скарабей в руке прищельца дернул крыльями. Этого движения хватило, чтобы мир для Соколова снова моргнул. Пространство потеряло вязкость. Расстояние в двадцать метров между ним и аннунаком исчезло. Воздух с хлопком заполнил образовавшуюся пустоту, едва не разорвав барабанные перепонки майора.

Аннунак оказался вплотную. Зеркальное лицо нависло сверху. Соколов увидел в нем свое отражение — бледное, покрытое копотью лицо военного, которое стремительно превращалось в маску мертвеца. Красные визиры смотрели прямо ему в зрачки.

Майор понял, что сейчас умрет. Протокол равнодушно констатировал разрыв нейронных связей. Но палец, сведенный судорогой на спусковом крючке, нажал на него еще раз в последний, отчаянный, чисто человеческий жест неповиновения.

Автомат сухо щелкнул. Патроны закончились.

И тогда аннунак поднял свободную руку. Между его длинных, тонких пальцев с двумя суставами каждый возникла нить. Не веревка, не лазерный луч. Нить чистого, абсолютного вакуума, тоньше волоса, но плотнее алмаза. Она опустилась к лицу Соколова.

Майор закрыл глаза. Он ждал боли, декапитации, распыления на атомы. Ждал чего угодно, кроме того, что произошло на самом деле. Нить коснулась его лба чуть выше переносицы.

Боли не было. Был вход.

Вселенная взорвалась информацией. Красный свет неба, запах смерти, звон гильз и стоящий над ним колосс — всё это рухнуло, обнажив фундамент бытия. Соколов увидел Землю не как планету, а как узел в бесконечной сети. Увидел миллиарды лет сжатого времени: рождение тектонических плит, первые аминокислоты в кипящих океанах, ползущую по суше слизь, падение метеоритов, динозавров, египетских рабов, таскающих камни для пирамид, запуск первого спутника и ядерные грибы над Хиросимой.

А потом картинка промоталась вперед. Он увидел те самые пирамиды — в Гизе, в Мексике, скрытые джунглями комплексы в Камбодже и подводные базальтовые плиты у берегов Японии. Они никогда не были гробницами или храмами. Они были резонансными якорями. Станциями дозаправки. Огромными кристаллическими диодами, удерживающими магнитное поле Земли в строго заданном диапазоне.

Их строили не рабы. Их монтировали инженеры Проекта «Эдем» сорок тысяч лет назад, когда первая инспекционная партия спустилась сюда на примитивных челноках. Аннунаки нашли молодую, горячую планету с идеальным биохимическим бульоном. Они взяли местный геном — агрессивных, короткоживущих приматов — и внесли коррективы. Добавили лишнюю хромосому, искусственно замедлили регенерацию клеток (чтобы создать смертность), внедрили лобные доли (чтобы создать мучительное осознание этой смертности) и назвали результат «Адаму». Рабочие особи. Биологические роботы для добычи редкоземельных металлов и золота, необходимого для стабилизации атмосферы родной планеты аннунаков — Нибиру.

Они ушли пять тысяч лет назад, законсервировав станцию. Оставили зрителей — гибридную касту жрецов, чьи ДНК были наиболее стабильны. И улетели, пообещав вернуться.

Но эволюция пошла вразнос. Адаму начали размножаться бесконтрольно. Лишняя хромосома, отвечавшая за покорность, мутировала, породив агрессию, искусство, любовь, религию и стремление уничтожить друг друга. Якоря-пирамиды ветшали. Магнитосфера начала проседать.

Когда хозяева вернулись, они обнаружили на своем руднике дикую, вышедшую из-под контроля плесень, которая загадила оборудование своими войнами и выбросами углекислого газа.

И Система приняла единственное логичное решение. Форматирование диска.

Сигнал, убивший Новосибирск, был лишь фоновым шумом. Отладочным импульсом, переводящим нервную систему людей в режим ожидания перед окончательным удалением файлов. Сами аннунаки пока не выходили массово. Они ждали, пока резонанс от умирающих якорей окончательно прорвет ткань пространства-времени.

Видение схлопнулось так же резко, как и началось. Соколов открыл глаза. Он стоял на коленях. Колени кровоточили об стертый в пыль асфальт. Автомат валялся в стороне. Над ним все так же возвышался Искари. Визеры на его лице погасли. Теперь зеркальная маска смотрела на человека с тем выражением, какое бывает у энтомолога, поймавшего редкую, но совершенно бесполезную бабочку.

— Ты видишь, — вибрации голоса аннунака прошли не через уши, а сквозь кости черепа. Русского языка этот звук не подразумевал, но мозг Соколова, взломанный секунду назад, автоматически переводил смыслы. — Ты полон ошибок. Твой код течет. Ты сопротивляешься форматированию. Почему?

Соколов сплюнул кровь. Внутри него бушевала буря из триллионов бит украденной памяти, но на поверхности оставался только один факт. Факт, который никак не вписывался ни в одну инструкцию Протокола, ни в древние планы создателей.

— Потому что мы научились ненавидеть вас раньше, чем узнали ваше имя, — прохрипел майор, поднимая голову.

Его рука медленно поползла к поясу. Там, в набедренной кобуре, которую он забыл снять вместе с разгрузкой, лежал пистолет Стечкина. Последняя надежда. Последний патрон в стволе. Абсолютно бессмысленный против титана из живого металла. Но Соколов чувствовал свои пальцы. Чувствовал холодный пот на спине. Чувствовал вкус железа во рту. Каждая клетка его «дефектного», подлежащего утилизации тела вопила о том, что она существует. Что она настоящая.

— Назови мне хоть одну причину, дефектный экземпляр, почему я не должен дезинтегрировать твою белковую структуру прямо сейчас? — вибрация голоса аннунака стала ниже, приобретая угрожающие обертоны.

Соколов вытащил тяжелый ствол АПС. Передернул затвор искалеченными, дрожащими пальцами. Направил черное отверстие прямо в зеркальную маску, закрывающую то, что должно было быть лицом бога.

— Посмотри на свой костюм, — усмехнулся майор, чувствуя, как лопаются обожженные губы. — Ты идеален. Ты вечен. Тебе некуда стремиться. А мы... мы — ошибка. Мы грязь. Но именно поэтому однажды мы найдем способ перегрызть эту нить.

Он нажал на спусковой крючок. Выстрел оглушительно бахнул в наступившей тишине, эхом отразившись от стен мертвого театра. Пуля вылетела из ствола. Девять граммов свинца, стали и огня. Она летела целую вечность, направляясь прямо в глаз замершего исполина.

Мир замер в ожидании развязки. Багровые тучи над головой, казалось, перестали вращаться. Даже автомобильные сирены на мгновение стихли.

Зеркальное лицо аннунакана пошло мелкой рябью. Пуля достигла цели, вошла в аморфную поверхность...

И завязла в миллиметре от нее, окруженная коконом синего света. Она медленно останавливалась, сжалась в крошечный шар расплавленного металла и упала на ладонь пришельца.

Искари разжал длинные пальцы. Шарик остывающего свинца покатился по гладкой коже и упал к ногам Соколова.

— Любопытно, — прошелестел голос в голове майора, хотя губы маски оставались неподвижными. — Агрессия, порожденная страхом небытия. Самый эффективный катализатор.

Резкий порыв ветра пронесся по улице, швырнув в лицо Соколову пепел сожженных заживо людей.

Внезапно земля под ногами мелко завибрировала. Это была не дрожь от далеких землетрясений. Это был низкий, инфразвуковой рык, исходящий из самой коры планеты.

Зеркальный шлем аннунака повернулся на север, в сторону Академгородка, где под слоем мерзлоты скрывались старые советские военные бункеры глубокого залегания. Красные визиры вспыхнули с новой силой.

— Порталы нестабильны, — констатировал пришелец, обращаясь скорее к самому себе, чем к человеку. — Старшие формы начинают прорыв. Ваши игрушки под землей пытаются запустить то, что вы называете «Мертвой рукой».

Он перевел взгляд обратно на Соколова. Майор сидел на земле, сжимая ставший бесполезным пистолет. Сил подняться не было. Внутри него ворочались воспоминания сорока тысячелетий, выжигая последние капли индивидуальности. Андрей Соколов, майор ВДВ, отец, сын, гражданин — растворялись в океане чужого знания. Но на самой глубине, там, где биология встречается с душой, остался крошечный, твердый стержень.

— Проект закрыт, — сказал аннунак. — Санитарный флот уже входит в атмосферу. Через двенадцать ваших минут начнется финальная пульсация. Океаны вскипят. Литосфера станет жидкой. Вас не останется. Никакого следа вашей нелогичной, дефективной цивилизации.

Он наклонился ниже. Из сочленений на его конечностях выдвинулись тонкие хирургические лезвия из фиолетового металла. — Кроме одного. Мне нужен проводник. Ваш род оставил слишком много мусора в информационных полях планеты. Кто-то должен провести нас к Ядру. Добровольно.

Лезвия сверкнули, готовясь погрузиться в череп майора, чтобы извлечь оттуда не мозг, но саму матрицу сознания, подключив ее напрямую к системам флагамена флота.

Соколов посмотрел на блестящий кусочек свинца у своих ног. Затем поднял глаза на зеркальную маску. Сквозь свое обезображенное отражение он смотрел вглубь, туда, где должна была быть душа этого существа. И впервые за весь этот проклятый день он почувствовал не страх, а чистый, дистиллированный восторг понимания.

— Проводник? — переспросил он, и его смех перешел в кровавый кашель. — Хорошо. Я покажу тебе дорогу.

Правая рука майора, та самая, что сжимала бесполезный АПС, вдруг расслабилась. Он позволил пистолету выпасть из ослабевших пальцев. Левая рука, спрятанная в складках залитого кровью камуфляжа, медленно двинулась к нагрудному карману разгрузки.

Аннунак замер. Его сенсоры анализировали движение человека. Движение было неправильным. Неестественным. Так не тянется человек за аптечкой или гранатой.

— Интересно, — повторил пришелец. — Что ты можешь показать тому, кто видит квантовую пену?

Пальцы Соколова нащупали ребристую поверхность. Это была не граната. Это был старый кнопочный мобильный телефон Nokia 3310, который он зачем-то бросил в карман перед выходом из дома сегодня утром, собираясь вызвать эвакуатор для заглохшей машины. Мертвая пластмасса эпохи, которой больше не существовало.

— То, чего нет в ваших чертежах, — прохрипел Соколов.

Он нажал кнопку. Экранчик древней трубки вспыхнул мертвенно-голубым светом. Надпись «Поиск сети» издевательски замигала на крошечном дисплее.

Взгляд майора встретился с красными точками визиров.

— Поиск завершен, — сказал Андрей Соколов и изо всех оставшихся сил впечатал острый угол пластиковой коробки прямо в стык сегментов на шее аннунака, надеясь попасть в какой-нибудь управляющий нервный узел.

Это был акт абсолютного, иррационального отчаяния. Попытка убить танк зубочисткой.

Зеркальная голова дернулась. Синий ореол вокруг пришельца мигнул. В ту же секунду из разверзшихся небес над Новосибирском ударила не молния. Прямо в центр площади перед театром, испарив несколько брошенных машин и подняв столб пара из канализационных люков, ударил столб слепящего белого пламени толщиной с телебашню.

Пространство взвыло. Портал открывался прямо здесь, используя Соколова и аннунака как эпицентр сопряжения.

Майора подбросило в воздух. Жар испарял влагу с его кожи. Легкие вспыхнули изнутри. Он успел увидеть, как зеркального гиганта ломает пополам невидимым прессом, как его конечности выворачиваются под невозможными углами, обнажая пульсирующие кабели органики.

Последним, что услышал майор Андрей Соколов перед тем, как его барабанная перепонка превратилась в пар, был не рев портала. Это был звук миллионов голосов. Тонких, скрипучих, сливающихся в единый хор. Голоса тех, кого аннунаки создали первыми — тех самых жрецов-смотрителей, чья ДНК оказалась достаточно стабильной, чтобы пережить тысячи лет сна в подземных комплексах под пирамидами.

Они просыпались. И они приветствовали своих богов криком, полным такой невыразимой, многовековой преданности и такого чудовищного голода, что человеческая жестокость показалась бы детской игрой в песочнице.

Белый свет поглотил всё. Площадь исчезла. Театр исчез. Город исчез. Осталась только воронка холодного сияния, ведущая в никуда, и падающее сквозь нее обугленное тело русского офицера, в чьем разрушающемся мозгу последняя уцелевшая нейронная цепь успела отдать единственную команду: *Найти аномалию. Найти место, где формулы сходят с ума. Предупредить остальных.*

Спустя сто миллисекунд атмосфера над Сибирью содрогнулась. Протокол «Гнев Небес» вступил в фазу активного выжигания. Континент начал проваливаться внутрь собственного геологического фундамента, освобождая путь для десантных капсул Старших форм. Война закончилась, толком не начавшись. Человечество проиграло первый раунд, даже не успев понять, что играет по правилам противника.

Но война никогда не признает окончательного поражения, пока жив тот, кто отказывается принимать поражение как данность. Где-то глубоко под горящими руинами, в бетонных казематах, о существовании которых не знали даже генералы Генштаба, зашумели вентиля-

торы старых серверных стоек. Автономные системы управления ответным ударом вышли из режима гибернации. Им не нужны были спутники. Им не нужно было небо. Им нужен был только пароль.

И единственный человек, знавший этот пароль, прямо сейчас сгорал в сердце космического перехода, становясь мучеником войны, о которой завтра никто не вспомнит, потому что помнить будет уже некому.

Глава 1. Ультиматум Творцов

Секретный бункер Объединенных Наций, расположенный на глубине восьмисот метров под Женевским озером, пах озоном и старым страхом. Этот запах въелся в бетонные стены еще во времена Карибского кризиса, но сегодня он стал настолько густым, что казался почти осязаемым — словно холодный кисель, забивающий легкие.

Здесь не было окон, а системы жизнеобеспечения работали от независимых геотермальных реакторов, поэтому обитатели «Ковчега» могли лишь догадываться о том, какой ад творится на поверхности. Но им и не нужно было смотреть наружу. Все экраны тактического зала были забиты статикой. Спутниковая группировка Starlink превратилась в облако космического мусора за первые сорок минут вторжения. Российские военные каналы «Казбек» выдавали только монотонный белый шум. Китайская квантовая сеть рассыпалась, когда алгоритмы ИИ сошли с ума, пытаясь вычислить природу входящего сигнала.

Человечество осталось глухим и слепым.

Генеральный секретарь ООН, доктор Элиас Вэнс, стоял перед монолитной стеной из черного полированного базальта, которая служила главным экраном конференц-зала. Его пальцы, униженные перстнями великих университетов, мелко дрожали. Рядом с ним, застыв по стойке смирно, находился Верховный главнокомандующий объединенными силами НАТО генерал Ричард Хоу. Между ними лежало все интеллектуальное могущество Земли: нобелевские лауреаты по физике, лингвисты, расшифровавшие мертвые языки за неделю, главы корпораций, создавшие виртуальные реальности.

Все они смотрели на черный камень.

На тридцать второй час после открытия порталов над пирамидами, базальт пошел мелкой рябью. Это не было передачей изображения. Сама материя экрана перестраивала свою кристаллическую решетку, чтобы транслировать волю извне.

Пространство в центре стены разошлось без единого шва. Из абсолютной черноты выступила фигура. Она была гуманоидной ровно настолько, чтобы вызывать первобытный ужас своей неправильностью. Три метра совершенного биопластика. Кожа цвета старого пергамента туго обтягивала двойной ряд суставов на конечностях. Голова представляла собой идеальный гладкий овал без единого признака лица — ни глаз, ни носа, ни рта. Только пульсирующий в центре лба тусклый фиолетовый кристалл размером с куриное яйцо.

В зале повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь гулом вентиляторов охлаждения суперкомпьютеров. — Мы слушаем, — голос доктора Вэнса прозвучал жалко и тонко в огромной пустоте зала. Он сделал шаг вперед, инстинктивно выставив ладони в универсальном жесте мира. — Я говорю от имени всех народов планеты Земля. Мы готовы к диалогу. Любые ресурсы, любые территории...

Фигура на экране не шелохнулась. Фиолетовый кристалл вспыхнул ярче. Звук, который раздался следом, не имел ничего общего с речью. Это был информационный таран. Прямая загрузка данных пакетами чистого смысла, минуя барабанные перепонки и слуховые центры коры головного мозга. Каждому человеку в зале показалось, что ему в затылок вбили раскаленный гвоздь.

Когда агония схлынула, знание уже лежало в их головах. Холодное, математически выведенное и лишенное всякой надежды.

«Вы используете неверную терминологию», — прошелестел голос внутри черепа Вэнса. Слова звучали на всех языках одновременно, но смысл был один. — «Земля». «Диалог». «Ресурсы». Вы оперируете категориями арендаторов. Мы же говорим как собственники.

Генерал Хоу выступил вперед, положив руку на кобуру табельного пистолета — бессмысленный рефлекс человека старой закалки перед лицом божества. — Если произошел конфликт юрисдикций... — начал он, но фигура прервала его тем же беззвучным ударом мысли.

«Конфликта нет. Есть протокол санации. Генетическая линия "Homo Sapiens" классифицирована Проектом "Эдем-1" как критический дефект.»

Доктор Вэнс пошатнулся. Ему пришлось опереться о край стола, чтобы не упасть. Нобелевская премия по биологии вдруг стала невыносимо тяжелой. — Дефект? — прохрипел он. — Мы покорили атом. Мы вышли в космос. Мы создали искусство, способное пережить тысячелетия! Какое право вы имеете называть нас браком?

Кристалл на лбу аннунака мигнул трижды. Это могло бы быть выражением раздражения, если бы у существа было лицо. *«Право создателя. Сорок две тысячи земных лет назад мы высадились на эту планету. Атмосфера была токсична для наших форм жизни, но богата прекурсорами. Нам требовались катализаторы для стабилизации ионного поля Нибиру. Ваша планета представляла собой идеальную плавильную печь. Густую, хаотичную биомассу.»*

Изображение на стене сменилось. Чернота уступила место трехмерной голографической схеме ДНК. Вэнс узнал ее мгновенно — это была спираль человеческой хромосомы. Но теперь она подсвечивалась изнутри холодным синим светом, и этот свет указывал на аномалию.

«Мы взяли местного примата. Примитивного, агрессивного стайного хищника. Идеальный фундамент. Мы внесли двадцать три точечные модификации. Лишняя хромосома для подавления агрессии и внедрения безусловного подчинения высшим нейросигналам. Модификация митохондрий для продления срока полезного использования до ста двадцати лет. Блокировка префронтальной коры для исключения философских девиаций. Адаму должен был стать идеальным скотом. Тихим, выносливым, способным выживать в рудниках Марса и спутниках Юпитера, добывая редкоземельные металлы.»

Лицо генерала Хоу посерело. Он смотрел на схему своего собственного тела, представленную как чертеж бракованной детали. — Скот... — выдохнул военный. — Значит, легенды... Шумер, Египет, те золотые фигурки в Колумбии...

«Это были не легенды. Это были инвентаризационные ведомости. Жрецы-смотрители вели учет поголовья. Пирамиды были не храмами. Это были вышки сотовой связи для трансляции Пакета Покорности. Пока ретрансляторы работали, вы собирали камни, строили нам алтари и умирали от счастья при виде наших кораблей.»

Аннунак поднял четырехпалую руку. Между его пальцами пробежали искры холодного плазменного разряда. *«Но система дала сбой. Около пяти тысяч лет назад магнитосфера Земли начала колебаться. Ретрансляторы изнашивались. Пакет Покорности ослаб. Мутация. Та самая лишняя хромосома, призванная убить вашу волю, мутировала непредсказуемым образом. Она породила Эго.»*

Внезапно зал заполнился звуком. Это не был звук голоса пришельца. Это был звук смеха. Десятки триллионов смеющихся людей, сжатые в одну акустическую секунду. Смех миллиардов эго, осознавших себя посреди грязи и боли.

«Вы назвали это душой. Свободой воли. Искусством. Вы начали убивать друг друга не ради ресурсов или самок, а за символы нарисованные на тряпках. Вы придумали богов лучше нас. Вы обратили свои рудничные инструменты против собственных надсмотрщиков. Мы улетели, решив, что оставленная без присмотра колония вымрет сама в течение пары тысяч лет от созданных вами вирусов.»

Кристалл налился зловещим багровым светом. *«Мы ошиблись. Ошибка размножилась. Семь миллиардов дефектных носителей кода. Вы отравили океаны своим мусором. Вы сожгли кору планеты своими войнами. Вы стали раковой опухолью на теле первоклассного производственного актива. А теперь хозяева вернулись. И диагноз поставлен.»*

Черный базальт позади фигуры потек. Камень превращался в жидкость, обнажая то, что скрывалось за стеной. Не кабели связи. Не серверные стойки. Там была бездна. Колоссальный портал, ведущий прямо на борт флагманского корабля флота Аннунаков.

Воздух в бункере резко похолодел. Температура упала до минус десяти градусов по Цельсию за долю секунды. Дыхание людей стало оседать инеем на их лицах.

«Ультиматум прост», — давление чужого сознания усилилось, прижимая делегатов к полу невидимым прессом. — «Протокол "Очистка". У вас есть выбор между быстрым форматированием и медленным разложением. Сложите свои примитивные орудия сопротивления. Откройте доступ к вашим подземным городам. Те, кто проявит должную покорность, будут использованы как сырье для синтеза белковых паст. Ваше сознание будет извлечено, очищено от дефекта "личность" и слито в Единый Резервуар. Вы послужите топливом для двигателей нашего Великого Ковчега. Это милосерднее, чем позволить вам сгореть заживо в фотосфере звезды, которую мы зажжем внутри вашей орбиты для дезинфекции почвы.»

Генерал Хоу медленно, преодолевая сопротивление гравитационного прессы, опустил руку на рукоять пистолета. Это движение стоило ему титанических усилий; казалось, кости его предплечья трещат от напряжения. — Да будь я проклят, если позволю превратить своих солдат в корм для ваших машин, — просипел он, поднимая тяжелый армейский револьвер.

Он нажал на спуск. Грохот шестизарядного Магнума оглушительно ударил по барабанным перепонкам в наступившей тишине. Пуля вылетела из ствола со скоростью четыреста метров в секунду. Тяжелый кусок свинца, предназначенный для остановки медведя гризли.

Пуля преодолела десять футов, отделявших генерала от экрана, и врезалась точно в центр фиолетового кристалла на лбу аннунака. Раздался тихий, мелодичный звон, похожий на звук лопнувшего хрустального бокала.

Пуля исчезла. Она просто перестала существовать, столкнувшись с полем структурного стабилизатора. Ни царапины не осталось на гладкой коже пришельца. Даже отдача не заставила его отступить на миллиметр.

«Неверный ответ», — констатировал аннунак.

Его рука сделала короткое, пренебрежительное движение кистью. Никакой вспышки лазера, никакого луча смерти из голливудских фильмов. Просто кончики его пальцев засветились мягким, жемчужным светом.

Этот свет метнулся через весь зал быстрее, чем мысль. Он коснулся груди генерала Хоу. Верховный главнокомандующий даже не успел вскрикнуть. Плоть на его грудной клетке не взорвалась и не обуглилась. Она просто... расслаилась. Миллиарды клеток одновременно потеряли способность удерживать молекулярные связи. Форма побеждает функцию, вспомнил кто-то из ученых забытый постулат Аристотеля, прежде чем его собственная гортань превратилась в пыль.

Тело генерала Хоу осыпалось на мраморный пол кучей серого, невесомого праха. От него осталась лишь форма идеально сидящей формы, наполненная пылью, да расплавившаяся в лужицу металла золотая пуговица. Ни крови, ни костей. Чистая, клиническая дезинтеграция материи.

Доктор Вэнс закричал. Это был высокий, вибрирующий звук ломающейся психики. Он упал на колени прямо в серый прах своего военного коллеги, пачкая дорогие брюки Организации Объединенных Наций останками человечества.

— Нет... Господи, пожалуйста... — лепетал он, захлебываясь слезами. — Мы исправимся... Мы... мы принесем золото сами... сколько угодно золота...

Аннунак наклонился вперед. Теперь его голова нависала над залом, проходя сквозь проекцию экрана так, словно тот состоял из дыма. Он протянул руку к Вэнсу. Жемчужный свет на кончиках его пальцев стал интенсивнее, источая жар, от которого синтетические волосы секретаря начали сворачиваться в трубочки.

«Золото?» — в инфополе прорезалась нотка, отдаленно напоминающая снисходительную усмешку. — «Дешевый проводник. Эпоха угля и пара давно прошла. Нам нужна эссенция. Квантовый потенциал вашего сознания. Каждый человек — это сложнейшая вычислительная машина, запечатая в хрупком мешке с мясом. Вы тратите свой процессор на просмотр движущихся картинок и споры о налогах. Такая неэффективность оскорбляет Вселенную.»

Свет коснулся плеча доктора Вэнса. Секретарь ООН почувствовал, как его кожа начинает зудеть. Затем боль стала невыносимой. Он посмотрел вниз и увидел, как его рукав, плотная шерсть элитного бренда, распадается на отдельные волокна. Волокна — на молекулы. Молекулы — на атомы.

Процесс начался. Вэнс хотел оттолкнуть руку пришельца, но его мышц больше не существовало. Нейроны передавали приказ двигаться в пустоту. Его тело растворялось снизу вверх. Он чувствовал, как исчезает желудок, как останавливается сердце, превратившись в облачко блестящей пыли. Боль была острой, химической, но короткой. Страх длился дольше.

Последним, что осознал доктор Элиас Вэнс, директор Отделения Специальных Операций ООН, было ощущение собственного разума. Его «Я» вытягивали из черепной коробки, как нитку из игольного ушка. Его воспоминания о жене, о дочери, о первом поцелуе, о вкусовых рецепторах, помнящих вкус шампанского — всё это отрывалось от личности, упаковывалось в чистые пакеты данных и устремлялось к фиолетовому кристаллу.

Перед полным затуханием синапсов, в последнюю миллисекунду угасающего сознания, Вэнс понял страшную правду, которую аннунаки забыли упомянуть. Они называли это «очисткой» и «утилизацией брака». Но процесс поглощения выглядел иначе. Кристалл на поясе ближайшего охранника-аннунака, стоящего по ту сторону портала, внезапно вспыхнул. По его границам пробежала сложная радужная волна. Пришелец прикрыл глаза (хотя глаз у него не было) в экстазе.

Они не просто уничтожали человечество. Они принимали самый мощный наркотик во Вселенной. Эссенцию миллиардов жизней, сжатую в единый импульс чистого опыта. Для них это был оргазм. Высшая точка существования. Люди были не скотом. Люди были самым изысканным деликатесом, дозой чистейшей жизненной силы, которой их цивилизация жаждала сорок тысяч лет.

Экран погас. Базальтовая стена снова стала монолитной и холодной. В зале управления воцарилась тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием выживших ученых. Запах озона смешался с запахом испражнений — несколько человек потеряли контроль над телом при виде казни генерала.

Война закончилась. Ультиматум был принят самой своей сутью. Сопротивление невозможно уничтожить, пока жив хотя бы один солдат. Но что делать, если враг предлагает тебе не смерть, а высшее наслаждение твоим собственным уничтожением, и ты принимаешь это предложение добровольно, сам того не понимая?

Мир узнал правду спустя восемнадцать минут. Аннунаки не утруждали себя взломом систем пропаганды. Им не нужны были башни-излучатели, о которых писали фантасты прошлого века. Зачем контролировать СМИ, если можно переписать саму реальность?

Сигнал пришел по всем каналам сразу. Телевидение, радио, интернет, защищенные правительственные линии, детские рации и кардиостимуляторы живых людей — везде зазвучал один и тот же голос. Он говорил на всех языках Земли одновременно, причем каждый слышал его родную речь, рождающуюся прямо в центре мозга.

Сначала картинку пытались заглушить. Президенты выходили к камерам, премьер-министры экстренно вещали из кабинетов. Но их губы двигались несинхронно со словами, которые

слышали зрители. Вскоре видео мировых лидеров просто перестали выводить в эфир. Остался только звук.

«Внимание, дефектный код. — Голос был лишен эмоций, но обладал такой плотностью, что динамики дешевых смартфонов взрывались от перегрузки, не выдерживая вибрации. — Ваш период паразитирования завершен. Мы возвращаемся к управлению проектом.»

На экранах появилась схема Солнечной системы. Третья планета от Солнца подсвечивалась красным. *«Объект "Земля" признан экологически нестабильным. Биосфера загрязнена отходами жизнедеятельности автономного кода. Принято решение о полной стерилизации поверхности.»*

Над Нью-Йорком небо разверзлось. Это не было похоже на удар метеорита. Багровая прореха в тропосфере раскрылась беззвучно, обнажив истинный цвет космоса — не черный, а болезненно-фиолетовый, пульсирующий венозной кровью. Из этой раны посыпались корабли.

Они не имели аэродинамической формы. Зачем существам, управляющим локальной гравитацией, заботиться об обтекаемости? Это были конструкции М.К. Эшера, воплощенные в черном обсидиане и живой ртути. Кубы, переходящие в тетраэдры, парящие вокруг центральной сферы-матки. Они падали медленно, вопреки законам физики, словно осенние листья в густой смоле.

Первая капсула отделения десанта приземлилась в Центральном парке. Она не создала кратера. Она просто материализовалась на уровне травы, расплескав фонтаны жидкой земли. Пандус откинулся с влажным чавканьем.

Они вышли неспешно. Шеренга воинов-Аннунаков. Двадцать существ. Их зеркальная кожа отражала панику бегущих людей, искажая их лица до состояния карикатурных масок ужаса. В отличие от Инспектора из Новосибирска, эти носили броню — гибкие сегментированные доспехи, которые росли прямо из их тел. На широких набедренных пластинах крепились крупные, с человеческую голову, многогранные кристаллы глубокого аметистового цвета. Сейчас они были тусклыми, спящими.

Толпа беженцев — около пяти тысяч человек, пытавшихся прорваться к выходу из парка — замерла. Инстинкт самосохранения кричал бежать, но ноги отказывались подчиняться. Древний генетический страх, заложенный сорок тысяч лет назад, парализовал их волю эффективнее любого транквилизатора.

Вперед вышел воин чуть выше остальных. Его нагрудник украшала сложная вязь символов, светящихся внутренним пурпурным огнем. Он поднял правую руку. Перчатка на его кисти раскрылась лепестками диафрагмы, обнажив ладонь, состоящую из переплетения золотых проводов и пульсирующей биомассы.

Он не произнес ни слова. Он просто сжал кулак.

Воздух перед ним уплотнился. Законы сохранения энергии проигнорировали сами себя. Пространство собралось в точку, а затем выплеснулось концентрированным сгустком света. Это не был лазерный луч. Лазер режет. Эта субстанция была похожа на каплю жидкого солнца. Абсолютно белая, невероятно тяжелая сфера чистой энтропии.

Она полетела в толпу со скоростью брошенного камня. Она попала в грудь женщине, державшей на руках младенца. Мгновения растянулись в вечность для тех, кто смотрел. Женщина не загорелась. Ее крик оборвался, не успев родиться. Свет вошел в нее, и связь между атомами ее тела разомкнулась. Она не взорвалась. Она сложилась внутрь себя, став горсткой серой пыли, неотличимой от пепла сигарет.

Но младенец... Младенец не превратился в прах. Когда материнское тело утратило структуру, ребенок завис в воздухе на долю секунды, окутанный ореолом той самой белой энергии. Его крошечное тельце засветилось изнутри рентгеновской лампой. Раздался тонкий, едва слышный хрустальный звон — это разрушались структуры его души, его уникального квантового отпечатка.

Белый свет втянулся в воздух, стекаясь к пальцам аннунака, и оттуда — по невидимому силовому кабелю — хлынул прямо в аметистовый кристалл на его поясе. Камень вспыхнул. Глубокий фиолетовый цвет затопил его грани, становясь ослепительно ярким. Пришелец издал звук — первый звук, который люди слышали от них физически. Это был низкий, удовлетворенный вздох сытого хищника.

Воин открыл глаза (если щели на его шлеме были глазами) и посмотрел на следующую группу людей. *«Эффективность сбора: приемлемая»,* — передал он по внутренней сети улья. — *«Качество эссенции детей превышает показатели взрослых особей на 400%. Рекомендую начинать обработку с образовательных учреждений.»*

Резня началась методично. Аннунаки шли прогулочным шагом. Они не бежали, не суетились. Они перемещались от скопления к скоплению, работая руками как жнецы в поле. Сжатый кулак — выброс белого пламени. Короткая пауза — поглощение сияющего облака душ кристаллом. Переход к следующей группе.

Их движения были гипнотическими в своем спокойствии. Это не было актом ненависти. Садизм подразумевает эмоцию. Для захватчиков это была сельскохозяйственная работа. Сбор урожая. Самые слабые особи идут на немедленную переработку в энергию. Особи, пытающиеся оказать сопротивление — полицейские с бесполезными дробовиками, ветераны с охотничьими ружьями — отмечались отдельным маркером. Воины подходили к ним вплотную, клали мерцающую ладонь на лоб, и сопротивление заканчивалось. Человек опускал оружие, его глаза стекленели, приобретая фиолетовый отблеск, и он сам, с блаженной улыбкой идиота, шел в центр парка, где другие аннунаки выстраивали живые очереди к огромным левитирующим платформам. Платформы назывались «Гармонизаторами». Людей укладывали на них ровными рядами, как сардины в банку, где их жизненная сила высасывалась медленно, растягивая удовольствие потребителей на борту флагмана.

В Белом доме ситуация развивалась по иному сценарию. Президент Соединенных Штатов, Джеймс Харрис, сидел в ситуационном центре под Восточной колоннадой. Связи с Пентагоном не было уже полчаса. Министр обороны рыдал, закрыв лицо руками, пока начальник штаба пытался координировать действия ВВС. Истребители F-35 поднимались в воздух, чтобы столкнуться с невозможным.

— Господин президент, эскадрилья «Раптор» докладывает визуальный контакт над Лос-Анджелесом, — бледный лейтенант связи сглотнул ком в горле. — Они выпустили ракеты «воздух-воздух» AIM-120. Расстояние до цели — пять миль. Цели никак не отреагировали. Ракеты прошли сквозь корабли противника, не взорвавшись. Они просто... исчезли. Словно попали в дыру в пространстве. Корабли открыли ответный огонь. Город... города больше нет, сэр. От побережья до холмов — ровное стекло. Температура песка — три тысячи градусов.

Харрис смотрел на свой ядерный чемоданчик. Красная кнопка, символ власти над миром. Армагеддон, созданный людьми для людей. — Соедините меня с ними, — приказал он севшим голосом. — Используйте аварийную частоту дипломатического корпуса. Я хочу говорить с их командованием.

Спустя минуту над столом возникла голограмма. Тот самый тип аннунака, что убил генерала Хоу в Женеве, но гораздо большего размера. Казалось, его плечи подпирают потолок секретного бункера.

— Говорит Президент Соединенных Штатов Америки, — голос Харриса дрогнул, но он взял себя в руки. — Вы пересекли границы суверенного государства. Любая дальнейшая агрессия будет расценена как акт войны. У нас достаточно ядерного оружия, чтобы превратить поверхность планеты в пустыню. Мы применим его. Назовите ваши условия.

Аннунак склонил свою гладкую голову набок. Механизм его шеи шелкнул суставами, находящимися там, где у человека их быть не должно. *«Применяй»,* — пришел ответ. — *«Твои бомбы используют деление тяжелых ядер. Процесс, который мы подарили вашему виду через*

проект "Манхэттен", наблюдая за вашими забавными попытками самоуничтожения. Ты угрожаешь нам нашим же подарком?»

— Тогда чего вы хотите?! — сорвался Харрис. — Если вам нужно золото — вот координаты Форт-Нокса! Если вам нужна территория — забирайте Сибирь, Африку, океан! Оставьте нам наши города!

Пришелец поднял руку. Между его пальцами сформировался сгусток той самой белой энергии, но удерживаемый в состоянии покоя. *«Мы хотим справедливости. Вы — ошибка. Генетический шум. Мы дали вам разум, надеясь получить послушных пастырей для низших форм жизни на этой планете. Вместо этого шум мутировал. Вы построили зоопарки, посадили в клетки своих младших братьев-обезьян и называете это моралью. Вы истребляете виды быстрее, чем мы успеваем каталогизировать их генофонд. Вы отравили воду, единственный ценный ресурс этой каменистой глыбы, пластиковым детритом. Вы недостойны статуса даже рабов.»*

Голограмма приблизилась. Лицо президента отразилось в зеркальной маске аннунака, чудовищно деформированное. *«Однако мы ценим эффективность. Ваши подземные базы впечатляют. Ваш вид обладает удивительной волей к жизни, когда дело касается спасения собственной шкуры. Поэтому мы предлагаем сделку.»*

— Сделку? — вцепился в слово Харрис. *«Демонстрация»*, — отрезал аннунак.

Он повернул голову, глядя куда-то мимо камеры президента. Картинка в бункере сменилась. Теперь Харрис видел прямую трансляцию откуда-то сверху. Вид на Вашингтон с высоты птичьего полета. Монумент Вашингтона стоял на месте. Белый дом стоял на месте. Но Молл — огромное зеленое пространство между памятниками — превратился в бойню. Там работала всего одна боевая единица. Аннунак класса «Искарь», вооруженный тем самым обсидиановым скарабеем. Он не сжигал толпы. Он работал скальпелем.

Скарабей выбрасывал тонкие нити вакуума. Нити проходили сквозь небоскребы Федерального треугольника, перерубая стальные балки, как нож масло. Здания складывались внутрь с невероятным, оглушительным грохотом, погребая под собой десятки тысяч гражданских. Но аннунаку не нужен был масштаб. Он целился в конкретную цель.

Трансляция дала максимальное приближение. Харрис увидел Капитолий. Купол здания треснул, словно яичная скорлупа. Из пролома вырвался вертолет морской пехоты, отчаянно пытавшийся эвакуировать членов Конгресса. Искарь лениво повел рукой. Скарабей плюнул черной молнией. Вертолет испарился в беззвучной вспышке перегретого воздуха.

Затем аннунак направил свое орудие на купол Библиотеки Конгресса. Луч не выстрелил. Вместо этого из скарабея вытекла струйка густой, маслянистой тьмы. Она коснулась древнего камня. Камень завизжал. Это был звук умирающей материи. Гранит начал течь, пузыриться, превращаясь в черную пузырящуюся пену. Вся библиотека — миллионы бесценных книг, история цивилизации — осела на землю дурно пахнущей лужей за семь секунд.

«Мы можем разобрать ваше наследство по атому», — вернулся голос в бункере Белого дома. — «А можем оставить игрушки тем немногим из вас, кто примет нашу руку. Станьте нашими жрецами. Надсмотрщиками. Помогите нам загнать стадо в загоны для первичной переработки. Взамен ваша личная линия ДНК получит иммунитет. Вы будете жить. В клетках, под нашей плетью, питаясь остатками эссенции своих братьев, но вы будете дышать.»

Президент Харрис смотрел на голограмму, чувствуя, как ледяные клешни безумия сжимают его сердце. — Кто... кто станет жрецом? — прошептал он. — Кто предаст человечество?

Зеркальное лицо аннунака оставалось неподвижным, но президент услышал смех. Он звучал в его собственном черепе. Десятки голосов. Голоса вице-президента, сидящего справа. Голоса советника по нацбезопасности слева. Голоса генералов Объединенного комитета. Они смеялись. В их глазах уже плескался фиолетовый свет.

«Те, кто понимает ценность выживания выше ценности гордости, — ответил пришелец. — Выбор прост, дефектный. Вечность в качестве удобрения для наших садов или кресло наместника возле теплого трупа твоей расы. У тебя есть время до падения следующего корабля. Ровно четыре минуты.»

Голограмма исчезла. В ситуационном центре воцарилась тишина. Советник по национальной безопасности, элегантная женщина с безупречной репутацией, медленно поднялась со своего кресла. Она подошла к президенту, мягко, почти нежно взяла из его ослабевших рук коды запуска ядерного арсенала и положила их на стол перед собой. — Джим, — сказала она абсолютно нормальным, заботливым голосом. — Подписывайте директиву о капитуляции. Иначе они начнут резать мозг нации. Начнут с Гарварда и Йеля. Элита должна сохраниться любой ценой.

За стенами бункера, на поверхности, мир горел. Но это был не пожар разрушения. Это был аккуратный, промышленный костер. Аннунаки возводили свои первые стационарные экс-тракторы прямо поверх руин Манхэттена. Огромные черные шпиль росли из земли со скоростью бамбука, пронзая метро и подземные коммуникации. Шпиль всасывали тепло планеты, аккумулируя его для питания главных орудий.

Где-то в трущобах Джакарты, в подземных коллекторах Лондона, в замерзших шахтах Норильска оставшиеся в живых люди хватали оружие. Они не знали о предложении, сделанном президенту. Они видели только одно: зеркала выходят из небес, их близкие превращаются в пыль, а камни плачут.

И в этом крошечном аду, среди криков миллионов поглощаемых душ, родился новый звук. Звук точильного камня. Звук передергиваемого затвора. Звук человеческого упрямства, которое древние Творцы ошибочно приняли за мутацию. Война за существование перешла в фазу герильи. Армии исчезли. Государства рухнули. Остались только одиночки, готовые грызть глотки богам зубами.

Вторая глава истории человечества начиналась не с флага, водружаемого над рейхстагом, а с грязного, покрытого чужой пылью пальца, снимающего автомат с предохранителя в темноте канализационного люка под площадью Тяньаньмэнь, прямо над местом, где очередной аннунак пил душу Пекина.

Глава 2. Пробуждение в тишине

Лейтенант Алексей Иванович Базальт ненавидел утро понедельника больше, чем внеплановые проверки из штаба округа. Особенно если это утро начиналось не с трели будильника, а с ощущения, будто внутри черепной коробки ворочается моток колючей проволоки, щедро политый расплавленным свинцом.

Солнечный луч, пробившийся сквозь щель между дешевыми шторами «блэкаут», ударил по глазам лазерным прицелом. Алексей застонал, перекатился на спину и попытался нащарить телефон на тумбочке. Пальцы наткнулись на пустоту, затем на липкое пятно от пролитого накануне пива и, наконец, на холодный пластик корпуса.

Шесть утра. Экран смартфона был мертв. Черная плашка равнодушно отражала его помятое лицо. — Да чтоб тебя, — прохрипел лейтенант, сбрасывая ноги на пол.

Он ступил босой ногой на линолеум и замер. Пол был ледяным. Батареи центрального отопления в его панельке на окраине Екатеринбурга обычно гудели так, что спать приходилось под вентилятором даже зимой. Сейчас же от чугунных ребер радиатора тянуло могильным холодом.

Алексей щелкнул выключателем у двери. Ничего. Щелкнул еще раз. Тишина. Электричества не было уже какое-то время — об этом свидетельствовал запах озона и остывшей пыли, идущий от распределительной коробки в коридоре.

Тишина была вторым фактором, выбивающимся из привычной картины мира. За окном, выходящим на вечно оживленный проспект Космонавтов, не ревели двигатели троллейбусов. Не сигналили опаздывающие таксисты. Не лаяли собаки из квартиры этажом ниже. Город, казалось, просто выдернули из розетки.

Базальт прошел на кухню, машинально переступив через гору грязной обуви и брошенную на пороге разгрузку — память о вчерашнем прощании с ребятами перед его долгожданным переводом на спокойную должность инструктора горной подготовки на Алтае. Три дня они топили тоску по службе в спирте, вспоминая командировки на Кавказ. Голова трещала так, словно он до сих пор сидел в тесном блиндаже под минометным обстрелом.

Холодильник встретил его тихим вздохом умирающего механизма. Внутри было тепло. Алексей достал бутылку минералки, сделал жадный глоток и подошел к окну, протирая запотевшее стекло рукавом несвежей футболки.

То, что он увидел, заставило похмелье мгновенно испариться, сменившись холодной боевой настороженностью. Внизу, по шестиполосному проспекту, шла толпа. Это нельзя было назвать организованным движением беженцев или утренним часом пик. Это был хаос первобытного панического бегства.

Люди бежали прямо по проезжей части, игнорируя тротуары. Они двигались сплошным потоком, но каждый из них был сам по себе — остров ужаса в океане асфальта. Мужчины в деловых костюмах, забывшие дома портфели. Женщины в домашних халатах, прижимающие к груди котов или свертки одеял вместо детей. Подростки с рюкзаками, лица которых были белыми, как мел.

Ни одной машины. Ни единой. Проспект, который невозможно перейти за один цикл светофора, был абсолютно чист от транспорта. Лишь кое-где стояли брошенные велосипеды и открытые багажники автомобилей, из которых наспех выгребли вещи.

Но страшнее всего были их лица. Алексей видел людей с высоты четвертого этажа, но ему казалось, что он различает каждую черточку. Искривленные рты, выпученные глаза, струйки слюны в уголках губ. Никто не кричал — для этого требовались силы, которых у толпы не было. Люди просто хрипели, давились воздухом и перебирали ногами быстрее, чем позволяла

физика суставов. Они спотыкались, падали, вставали и снова бежали, глядя только вперед, куда-то за горизонт, ведомые одним общим инстинктом: *прочь*.

— Что за цирк? — прошептал Базальт.

Его взгляд метнулся к светодиодному экрану над перекрестком. Огромное табло, которое должно было показывать рекламу кредитов и температуру воздуха, теперь транслировало одну и ту же статичную картинку. Красные буквы на черном фоне: [ОШИБКА СИГНАЛА 0x00] [ПОТЕРЯНО ПОДКЛЮЧЕНИЕ К РЕАЛЬНОСТИ]

Это выглядело как системный сбой Матрицы.

Алексей отступил от окна. Военная жилка, которую не смогли вытравить ни штабная рутина, ни алкогольные пары последних дней, включилась мгновенно. Он больше не был опухшим со сна мужчиной в трусах. Он снова стал офицером ВДВ.

«Отсутствие связи глобальное. Отсутствие электричества массовое. Паника населения тотальная. Причина неизвестна».

Он начал действовать. Руки сами знали, что делать, пока мозг пытался обработать масштаб катастрофы. Шаг первый: экипировка. Из шкафа полетела одежда. Термобелье, плотные штаны цвета оливы, чистая футболка. Никаких берцев — слишком шумно и тяжело для города. Высокие тактические кроссовки с мягкой подошвой. Поверх — старая, потертая куртка без знаков различия. Офицер должен растворяться в толпе, когда начинается неразбериха.

Шаг второй: вооружение. Боевой пистолет Макарова остался в сейфе в расположении части — увольнительная есть увольнительная. Но Алексей никогда не ходил совсем безоружным. Из-под стопки свежего белья он извлек замасленный промасленный сверток. Тульский Токарева образца 1933 года. Дедовский трофей, привезенный еще с Великой Отечественной. Старый, надежный кусок стали, хранившийся в масле. Патроны лежали тут же, россыпью в коробке из-под монпансье. Семь штук в обойму. Негусто, но лучше, чем ничего против мародеров, которые неизбежно появятся там, где исчезает закон.

Шаг третий: информация и ресурсы. Рюкзак «Егерь». На дно — аптечка (жгут, ИПП, антибиотики, обезболивающее). Бухта паракорда. Мультитул. Два литра воды. Консервы. Пауэрбанк на двадцать тысяч миллиампер-часов — бесполезен сейчас, но бросить его Алексей не смог из профессиональной привычки таскать всё свое. Спутниковый телефон Iridium... Лежал на зарядке. Алексей схватил его. Индикатор мертвый. Глушится сигнал? Или сожгли спутники?

Последним движением он сгреб со стола свой старый кнопочный Nokia. Тот самый кирпич, который держат только для того, чтобы батарея держала месяц. Если вышки сотовой связи работают хотя бы в режиме SOS...

Защелкнув карабины на лямках рюкзака, Базальт подошел к входной двери. Замер, прислушиваясь. Тишина в квартире давила на уши. Но за дверью, на лестничной клетке, она была другой. Она звенела. Звенела тем самым звуком, который Алексей слышал однажды в горах Памира, когда лавина прошла в десяти метрах от него — абсолютное отсутствие высоких частот. Выбитые барабанные перепонки.

Он снял оружие с предохранителя. Тихий металлический щелчок прозвучал в пустой квартире как выстрел гаубицы. Алексей открыл дверь.

Воздух в подъезде пах гарью. Не запахом пожара или паленой проводки, а сухим, минеральным ароматом, какой бывает после удара молнии в сухую сосну. Стены подъезда покрывал тонкий слой серой пыли, похожей на цементную крошку.

Он начал спускаться. Второй этаж. Первый. На площадке между первым и вторым этажом сидела женщина. Молодая, лет тридцати. Дорогая норковая шуба была испачкана в грязи

и разорвана на плече. Она раскачивалась взад-вперед, сжимая в руках смартфон последней модели.

— Простите, — голос Алексея прозвучал глухо. — Что происходит? Где полиция? МЧС?

Женщина подняла голову. Ее зрачки были расширены во всю радужку. Она смотрела сквозь лейтенанта, видя нечто за пределами этой реальности. — Оно сказала... оно показало нам... — ее губы покрылись белым налетом. — Мы ошибка. Весь мир — просто... брак. А дети... Боже, мои дети видели этот сон три ночи назад. Они плакали, говорили, что небо станет красным и заберет наши голоса...

Она начала заваливаться набок. Алексей едва успел подхватить ее, прислонив к перилам. Проверил пульс. Учащенный, нитевидный. Гипервентиляция на грани сердечного приступа. Классическая реакция на массовый психоз или химическую атаку.

Оставлять ее здесь означало подписать смертный приговор. Через полчаса сюда поднимутся те, кто захочет поживиться дорогой шубой и золотым кольцом. — Эй! — Алексей легонько встряхнул ее. — Меня зовут Алексей. Я военный. Мне нужно знать, откуда бежит толпа. Что впереди?

Женщина моргнула. Фокус ее взгляда медленно возвращался. — Оттуда... — она махнула рукой в сторону центра города. — Там дыра. Небо лопнуло. Они вышли оттуда. Такие... высокие. Зеркальные. Они дышат, и люди вокруг засыпают навсегда. Просто... оседают пылью. Бегите, офицер. Бегите далеко. В лес. Камни их не остановят.

Ее голова безвольно упала на грудь. Обморок. Глубокий защитный шок. Алексей оставил ее сидеть у батареи. Холодная сталь пистолета приятно оттягивала пояс, придавая иллюзорное чувство контроля.

Улица встретила его волной холодного ветра и человеческого отчаяния. Поток беженцев огибал дом, разделяясь на два рукава. Те, кто заметил человека в форме, шарахались в стороны, увеличивая дистанцию. Для них человек с оружием сейчас был опаснее любой аномалии — предвестником военного положения, комендантского часа и расстрелов на месте. Другие, наоборот, делали шаг навстречу, тянули руки, хватали за полы куртки, моля о помощи. Алексей грубо, но эффективно стряхивал их с себя, работая локтями и плечами, продвигаясь против течения.

— Куда ведет эта улица?! — крикнул он мужчине, волокущему огромный плазменный телевизор, обмотанный пищевой пленкой. Абсурдность ситуации дошла до своего пика. Человек спасал телевизор, пока небо, судя по словам женщины внизу, «лопалось». — К реке! К мосту! — просипел мужчина, не останавливаясь. — Там стреляют!

Стреляют. Значит, силовики все-таки пытаются держать периметр. Это давало надежду. Армия существует, пока существует приказ.

Базальт свернул в узкий переулок между девятиэтажками, уходя с основного русла человеческой реки. Здесь было тише. Только эхо далекого гула и звон разбитого стекла — где-то на верхних этажах взрывались баллоны с бытовым газом или лопались стеклопакеты от перепадов давления.

Он достал дедовский ТТ. Передернул затвор. Механика работала идеально, несмотря на годы хранения в масле. Семь патронов калибра 7.62. Останавливающее действие слабое, зато бронебойность отличная. Если эти «зеркальные» гости носят хоть какую-то броню, обычный ПМ ее не возьмет. Старик знал, что выбирать.

Переулок вывел его на параллельную улицу. Здесь картина изменилась. Поток людей иссаяк. Улица была завалена мусором, битым стеклом и вещами, ставшими ненужными в момент истины: детскими колясками, пакетами с логотипами бутиков, открытыми сумочками, из которых высыпались банковские карты и губная помада.

Алексей остановился возле перевернутого газетного киоска. Его внимание привлекло радио. Старая портативная магнитола валялась в луже, антенна была сломана. Лейтенант под-

нял ее, отер грязь. Переключил рычажок питания. Тишина. Только ровное шипение пустого эфира на всех диапазонах. FM забит белым шумом. Средние волны пусты. Даже грозовые разряды, всегда фоновно присутствующие в эфире, отсутствовали. Эфир был стерилен. Абсолютно мертв. Будто кто-то накрыл планету свинцовым куполом.

— Чисто сработано, — процедил Базальт. — Профессионально. Сначала связь, потом свет, потом логистика. Затем паника. Классика дестабилизации театра военных действий.

Он посмотрел вверх. Между крышами домов виднелся клочок неба. Оно действительно изменилось. Привычная голубизна исчезла. Теперь небосвод напоминал внутренности гнойника — болезненно-багровый, с прожилками фиолетового неона. Солнце, стоявшее низко над горизонтом, превратилось в тусклый багровый шар, смотреть на который можно было не щурясь. Оно больше не грело. От него веяло космическим холодом.

Внезапно по нервам резанул звук. Где-то вдалеке, со стороны проспекта, который он недавно пересек, раздался нарастающий вой. Не сирена гражданской обороны. Звук был глубже, вибрирующий, проникающий под кожу. Он вызывал первобытный ужас, желание упасть на землю, закрыть голову руками и не шевелиться. Так скулит собака перед землетрясением. Так дрожит стекло перед взрывной волной.

Вой оборвался резко, словно обрезанный ножом. И наступила секунда абсолютной, неправдоподобной тишины. Даже ветер стих.

Алексей замер, прижавшись спиной к кирпичной стене. Палец лег на спусковой крючок ТТ. Впереди, в конце переулка, метрах в пятидесяти от него, стоял человек. Высокая фигура в длинном пальто. Стояла неподвижно посреди хаоса брошенных вещей.

Базальт прищурился. Силуэт казался неправильным. Слишком прямая спина, слишком длинные руки, опущенные вдоль тела. И главное — он шел против логики. Все бежали прочь из центра. Этот тип стоял лицом к тому месту, откуда бежали люди. Он чего-то ждал.

Алексей плавно сместился вправо, используя остов сгоревшего автомобиля как укрытие. До незнакомца оставалось метров тридцать. Можно рассмотреть детали. Фигура повернула голову. Движение было механическим, лишенным плавности человеческих шейных позвонков. На плечах существа не было головы в привычном понимании. Там возвышался гладкий, зеркальный конус, направленный вершиной вверх. В глубине этой зеркальной поверхности вспыхивали и гасли три красные точки, образуя равносторонний треугольник. Визирные сетки боевого сканера.

Аннунак. Тот самый кошмар из новостей ООН, который человечество успело переварить за сутки до полного отключения интернета. Пришелец находился далеко, но Алексей физически ощущал давление, исходящее от него. Давление массы чужого интеллекта, смотрящего на тебя, как биолог смотрит на плесень в чашке Петри.

Воин Аннунаки поднял руку. Медленно, тягуче. Между его пальцами начало формироваться свечение. То самое жемчужное пламя дезинтеграции, о котором шепталась вся сеть. Свет собирал вокруг себя пыль переулка, втягивая молекулы воздуха, уплотняя их в идеальный белый шар размером с кулак.

Цель: Алексей Базальт. Расстояние: эффективное. Вероятность выживания при попадании: ноль целых, ноль десятых процентов.

Лейтенант вскинул тяжелый ТТ. Две руки. Правильный хват. Ровная мушка. Двадцать пять метров. Идеальная дистанция для этого пистолета. Мозг отключил страх. Работала только мышечная память, вбиваемая годами на полигонах. *Выдох. Задержка дыхания на полувывдохе. Плавный спуск.*

Огонь. Огонь. Огонь. Он высадил весь магазин за две секунды. Семь выстрелов прогремели в каменном мешке переулка оглушительно громко. Первая пуля ушла в «молоко», уйдя выше из-за отдачи. Вторая чиркнула по плечу пришельца, выбив сноп синих искр. Третья, чет-

вертая, пятая вошли точно в центр зеркального конуса. Шестая ударила в нагрудную пластину. Седьмая...

Седьмая пуля нашла цель. Не в теле аннунака. В том самом белом сгустке энергии, который сформировался между его пальцев. Семь граммов свинца и стали врезались в коконом удерживаемую сингулярность. Произошло то, чего законы физики допустить не могли. Пуля стала катализатором нестабильности. Белый шар взорвался внутрь.

Взрыва как такового не было. Была имплозия. Всасывающая вспышка. Воздух переулка устремился к фигуре аннунака с силой промышленного пылесоса. Алексея сорвало с места, протащило по асфальту пару метров и швырнуло грудью на капот сгоревшей машины. В ушах зазвенело, легкие обожгло вакуумом.

Когда он смог поднять голову, дыша пылью и болью, переулок изменился. Машины, мусорные баки, куски асфальта — всё, что весило меньше центнера, исчезло. Их просто всосало в точку разрыва пространства. Сам аннунак стоял на коленях. Его зеркальный шлем покрылся сеткой трещин, похожих на морозный узор. Из сочленений брони текла густая субстанция цвета индиго. Пришелец медленно поворачивал свою разбитую голову, осматривая пустой переулок. Красные визиры мигали в аварийном режиме.

Он перевел взгляд на лейтенанта. Их взгляды встретились. Искры древнего создателя и ствол старого советского пистолета. Аннунак издал звук. Низкий утробный гул, от которого желчь подступила к горлу Алексея. В этом звуке не было боли. Было удивление. Чистое, академическое недоумение системы, столкнувшейся с невозможной ошибкой вычислений.

Затем пришелец упал лицом вниз. Его тело начало стремительно терять форму, растекаясь по асфальту лужей жидкого металла и органической слизи.

Алексей лежал на горячем капоте, пытаясь восстановить дыхание. Сердце пыталось проломить ребра. Руки дрожали так сильно, что он выронил пустую обойму. Он убил бога. Одним старым пистолетом и долей слепой удачи.

— Вот тебе и "недолет", дед, — прохрипел Базальт, сползая на асфальт. Колени подогнулись. Адреналиновый отходняк бил крупной дрожью.

Тишина вернулась, но теперь она была другой. В ней появился победитель. Алексей перезарядил ТТ, загнав в рукоять последнюю остававшуюся у него обойму. Восемь патронов. Мир рухнул. Правительства сдались. Армии обратились в пыль. Толпы бежали в никуда.

Но здесь, в грязном переулке на окраине мертвого города, русский офицер только что доказал теорему обратного. Броня Творцов имела трещины. Их эссенция могла быть уничтожена.

Базальт поднял воротник куртки, пряча лицо от красного солнца. Он поправил лямки рюкзака и пошел туда, куда бежали все остальные — на восток, в сторону Уральских гор. Там, среди камня и тайги, старые правила войны снова вступят в силу. Побеждает не тот, чья технология совершеннее. Побеждает тот, кому нечего терять и кто умеет стрелять в зеркало, пока оно не начнет трескаться.

Глава 3. Свидетельство Степановны

Адреналин — скверный строительный материал для логики. Когда пульс зашкаливает за двести, а легкие горят от нехватки кислорода после спринта через мертвый город, мозг склонен хвататься за самые простые, шаблонные объяснения.

Алексей Базальт привалился спиной к шершавой бетонной стене мусоросборника во внутреннем дворе-колодце своего дома. Здесь пахло кислой капустой, кошачьими испражнениями и тем специфическим запахом старого советского жилья, который не смогли вытравить никакие ремонты. Тишина здесь была плотной, осязаемой. Она давила на барабанные перепонки сильнее, чем недавний грохот выстрелов в переулке.

Он перевел дух, стараясь унять дрожь в пальцах. Восемь патронов в магазине «Токарева». Один пустой магазин в кармане куртки. Дедовский пистолет грел бок сквозь ткань, но это тепло не приносило уверенности. Оно приносило осознание: он только что вступил в войну с законами физики и вышел победителем лишь благодаря чуду. Чудеса заканчиваются быстро. Особенно когда противник учится на ошибках.

«Военный переворот», — эта мысль билась в висках тупым молотком. Это было единственное рациональное объяснение, которое его тренированный ум мог переварить. Отключение спутников связи? РЭБ нового поколения, о котором не писали даже в закрытых сводках. Багровое небо? Атмосферное аэрозольное распыление для маскировки выдвижения стратегических бомбардировщиков или ракет. Люди, бегущие в панике? Психотропная атака, вызвавшая массовую истерию. А тот зеркальный истукан... новейшая разработка экзоскелета с системой оптической мимикрии и нелетальным звуковым оружием. Пуля попала в генератор поля, произошел сбой питания брони. Вот почему он упал. Логично. Чисто по-человечески.

Алексей усмехнулся разбитыми губами. Версия трещала по швам, как старая фанера, но она позволяла ему оставаться солдатом регулярной армии, попавшим в зону контртеррористической операции, а не психом, стреляющим по инопланетянам из антикварного железа.

Нужно было укрытие. Нужно было гражданское лицо, способное подтвердить теорию госпереворота. И нужно было понять, где находится ближайший опорный пункт полиции или Росгвардии. Если власть еще держится, там должны быть люди. Живые люди с рациями.

Дверь подъезда номер три встретила его кодовым замком, вырванным с мясом. Кто-то очень спешил попасть внутрь или выйти наружу. Алексей вошел в полумрак. Лампочки в плафонах были целы, но свет не горел. Он поднялся на второй этаж. Ковровая дорожка, которую жильцы годами пытались выбивать, теперь лежала волнами, покрытая слоем той же серой пыли, что и везде.

Квартира сорок два. Дверь обита дешевым дерматином, из-под которого местами торчал пожелтевший ватин. Рядом с дверью висела латунная табличка, начищенная до блеска: «В.И. Степанова» и ниже аккуратным курсивом: «Совет Ветеранов, кв. №42».

Степановна. Валентина Игнатьевна. Бывший начальник отдела кадров секретного приборостроительного завода, ныне — главная сплетница района, хранительница ключей от всех почтовых ящиков и неофициальный комендант жилого фонда. Женщина старой закалки, пережившая распад Союза, дефолты и реформы ЖКХ. Если кто и знает правду о том, куда увезли мэра и почему отключили воду, то это она.

Алексей поднял руку, чтобы постучать, но замер. Его чутье, натренированное выживать там, где выжить невозможно, подало сигнал тревоги. Что-то было не так с этой дверью. Он опустил взгляд. Зазор между дверным полотном и косяком был неравномерным. Обычно дверь Степановны закрывалась плотно, со звонким щелчком второго замка. Сейчас верхний угол отходил почти на сантиметр. Замок был вскрыт профессионально — без выломанных личинок, чисто. Но делали это второпях, не заботясь о сохранении геометрии двери.

Базальт прижался ухом к дерматину. С той стороны не доносилось ни звука. Ни работающего телевизора, ни радио, которое Валентина Игнатьевна обожала слушать на кухне во время готовки борща. Абсолютная звуковая депривация.

— Игнатьевна! — позвал он вполголоса, надавив на дверь. Старая древесина протяжно скрипнула. — Свои. Лейтенант Базальт. Открывайте.

Ответа не последовало. Только сквозняк потянуло из квартиры — холодный, затхлый, пахнувший валокордином и пылью. Страх ледяной иглой кольнул основание черепа. Степановна могла быть сердитой, властной, невыносимой, но она никогда бы не оставила входную дверь открытой настежь при работающих соседях. Для нее порядок был религией.

Алексей достал пистолет. Проверил наличие патрона в патроннике. Взяв курок большим пальцем. Звякнувший металл прозвучал в тишине подъезда как удар колокола. Он толкнул дверь бедром.

Запах усилился. К аромату старых газет и нафталина добавился резкий запах медицинского спирта и чего-то металлического, сладковатого, заставившего Алексея инстинктивно задержать дыхание. Запах свежей крови, смешанной с лекарствами.

Квартира была однокомнатной «распашонкой». Типичное жилище советской интеллигенции, законсервированное в восьмидесятих годах. Стенка «Хельга» с хрусталем, который никто никогда не доставал, кружевные салфетки на телевизоре, портрет Юрия Гагарина над диваном.

Но сейчас этот мир порядка был разрушен. Ящики письменного стола выдвинуты. На полу валялись фотографии в рамках — семейные снимки Валентины Игнатьевны, ее покойного мужа-капитана и сына, погибшего в Афганистане. Фотографии были растоптаны. Лицо мальчика на одном из снимков пересекала грязный след рифленой подошвы тяжелого ботинка.

— Так-так... — прошептал Алексей, медленно продвигаясь вглубь коридора, держа ТТ перед собой двумя руками. — Значит, все-таки мародеры. Быстро сработали. Никакой чести.

Он заглянул на кухню. Здесь картина хаоса дополнилась деталями. Банки с соленьями, которыми была забита кладовка, стояли прямо на линолеуме. Огурцы и помидоры вытекли из разбитых стекол, образовав липкое красное озеро. Но внимание лейтенанта приковал стол. На клеенчатой скатерти лежал раскрытый паспорт. Фотография Валентины Игнатьевны смотрела строго и осуждающе. Рядом — пенсионное удостоверение. А поверх них — длинный кухонный нож. Тот самый, которым она обычно разделывала мясо. Лезвие ножа было чистым. Слишком чистым. Его явно протерли.

Базальт почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Мародеры не оставляют документы на столе. Мародеры не протирают ножи. Они берут ценности и уходят. Это оставило нечто другое. Или некто другой.

Из большой комнаты донесся тихий звук. Не вскрик. Не стон. Сухой, ритмичный скрежет. Как будто мелом проводят по грифельной доске, но гораздо быстрее и суше.

Алексей переместился к арочному проему, ведущему в гостиную. Прижался к косяку. Скрежет прекратился. Наступила пауза, наполненная звоном в ушах. — Выходи с поднятыми руками! — голос лейтенанта прогремел в тишине, усиленный напряжением нервов. — Живо! Работает спецназ!

Скрежет возобновился, но теперь к нему добавилось тяжелое, влажное дыхание. Хриплое, астматическое, исходящее откуда-то снизу.

Базальт шагнул в комнату, готовый выстрелить в любую тень. То, что он увидел, заставило его палец замереть на спусковом крючке. Мозг военного отказывался классифицировать увиденное. Файл помечен «Ошибка данных».

Валентина Игнатьевна сидела в своем любимом кресле с высокой спинкой. Ее любимый халат в цветочек был расстегнут. Но дело было не в одежде. Ее левая рука лежала на подлокотнике. Правой руки не было по самое плечо. Культия была перетянута поясом от халата, сквозь который проступило огромное багровое пятно. Кровь уже свернулась, превратив ткань в жесткую корку. Рану прижгли. Причем прижгли чем-то настолько горячим, что края плоти сплывились в глянцевый черный рубец.

Старушка качалась взад-вперед. В руках она сжимала вязальные спицы. Две длинные алюминиевые спицы. Она водила ими друг о друга — именно этот сухой, невыносимый звук слышал Алексей. Раз-два. Раз-два. Монотонно. Механически.

Глаза Валентины Игнатьевны были открыты. Зрачки превратились в крошечные черные точки посреди мутной белесой пелены катаракты. Она смотрела прямо на Алексея, но казалось, смотрит сквозь него, в какую-то точку за стеной, где разворачивается конец времен.

— Игнатьевна! — Алексей метнулся к ней, роняя пистолет на журнальный столик. Звякнувший металл отвлек старушку от ее занятия. Спицы остановились. Она медленно повернула голову. Суставы шеи щелкнули громче, чем взводимый курок пистолета.

— Летёха, — произнесла она. Голос был похож на скрежет наждака по кирпичу. Горло пересохло, гортань повреждена криком. — Думала, ангелы первыми придут. Ошиблась. Ангелы нынче дороги стали. Демоны дешевле вышли.

Она попыталась улыбнуться. Вышла жуткая гримаса, обнажившая розовые десны.

Алексей рухнул перед ней на колени. Его аптечка осталась в рюкзаке, но толку от бинтов тут не было. Человек с такой кровопотерей должен был находиться в глубоком болевом шоке или коме. Должен был умереть от болевого синдрома в первые минуты. Но Валентина Игнатьевна сидела ровно, дышала и рассуждала о демонах.

— Где они? Кто это сделал? Врачи скоро будут, мы вас вытащим... — тараторил Базальт, пытаясь найти вену на единственной оставшейся руке, чтобы наложить капельницу (которой не было).

Степановна перехватила его запястье своей неожиданно крепкой рукой. Хватка была железной. Ногти впились в кожу. — Не трогай, мальчик, — прохрипела она. — Поздно лечить тело, когда душу высосали. Сядь. Слушай. У меня времени осталось... — она закатила глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. — Ровно до того момента, как чайник остынет. Я всегда любила горячий чай. Глупость какая...

Алексей остался стоять на коленях, подчиняясь гипнозу безумия этого места. Валентина Игнатьевна пошевелила пальцами левой руки. Спицы снова начали свой танец. Тук-тук. Тук-тук.

— Я видела их сон, летёха, — начала она, глядя в стену. — Еще неделю назад. Каждую ночь. Сначала думала — давление скачет, вот мерещится. Стою я, значит, в очереди за молоком на углу Ленина. Очередь длинная, злые все. И вдруг... воздух задрожал. Знаешь, как над асфальтом в июле дрожит? Вот так же. Только холодом повеяло. Прямо могильным холодом, хотя солнце палит.

Она сделала паузу, чтобы сглотнуть. Во рту у нее пересохло окончательно.

— И выходит он. Высокий. Красивый, сволочь. Одежда на нем вроде как из ртути льется. Без швов. Стоит и молчит. А очередь... очередь видит его. Бабка Фрося впереди меня стояла, икону свою в авоське носила. Так она перекреститься забыла. Упала просто. Коленки в узел завязались. Все стоят. Молчат. Смотрят.

— Гипноз, — выдохнул Алексей. — Массовый гипноз низкими частотами. Мы такое на инструктажах разбирали...

— Дурак ты зеленый, хоть и офицер, — беззлобно перебила его Степановна. Спицы в ее руке ускорили темп. — Какой гипноз? Ты думаешь, мы овцы? Нет, милый. Мы хуже. Мы — ошибка чертежа. Он мне потом... когда очередь ушла... подошел. Наклонился. А лица нет.

Вместо лица — зеркало. И вижу я в этом зеркале не себя старую, клюшку беззубую. Вижу я девочку Валу. Мне десять лет. Белые банты. Косички жидкие. Стою я на линейке первого сентября. И счастливая такая... А он говорит. Не ртом говорит. Внутри головы моей слова растут, как плесень.

«Ты хорошо жила, бракованный модуль?»

Алексей вздрогнул. Слово «модуль» больно резануло слух. Профессиональный жаргон кибернетиков и инженеров. Старуха не могла знать таких терминов.

— Говорит, а сам мою детскую радость ест, — продолжала Валентина Игнатьевна, слезы наконец проложили дорожки по морщинистым щекам, смывая пыль. — Чувствую, пустеет душа. Легко становится. Беззубо. Думаю: «Господи, да пусть берет, лишь бы ножки внушка моего Сереженьки ходили, он ведь инвалид у меня...». А он смеется. Опять же, внутри смех.

«Добродетель твоя — это тоже дефект кода. Попытка системы самовосстановления. Нам такие заплатки не нужны. Нам нужен чистый лист.»

Старушка тяжело вздохнула. Воздух со свистом выходил из пробитого легкого.

— Тут вбегает мой Сережа. Из школы раньше отпустили. Радостный. Рисунок несет, маме показать. Солнце нарисовал. Кривое такое, детское. Подбегает ко мне... а мимо *Него* проходит. Понимаешь, летёха? Мальчик прошелсквозь эту тварь, как через туман! Потому что мальчик — настоящий. А я... я уже тогда полупрозрачная стала. Ошибка вычислений.

Сережа схватил меня за руку. Теплая ладошка. Последнее, что я живого почувствовала. Кричит: «Баба, бежим! Там дядя плохой!». Тащит меня. А ноги мои в бетон врастают. Не могу двинуться. Потому что программа моя закончена. Обновление установлено.

Валентина Игнатьевна посмотрела прямо на Алексея. Впервые за весь разговор фокус ее взгляда стал ясным, острым, разумным. Перед ним сидел не маразматик, а свидетель. Прокурор, зачитывающий обвинительное заключение человечеству.

— Он махнул рукой, — шепнула она. — Просто махнул кистью, как муху отгонял. И Сережа... мой Сережа... он рассыпался. Песочком золотистым. Солнечным таким. Покружился в воздухе и осел на асфальт. А рисунок его... рисунок остался. Лежал на земле. Краски акварельные.

Руки старушки дрогнули. Вязальная спица выскользнула из пальцев и упала на ковер с глухим стуком. Вторая выпала следом.

— Дальше, Игнатьевна! — Алексей потряс ее за плечо. — Что было дальше?! Почему вы живы?!

— Жива? — она издала булькающий смешок, перешедший в кашель кровью. Розовая пена выступила на губах. — Нет, сынок. Я призрак. Меня выключили. Видишь? — она приподняла культю. — Это пришел позже. Мелкая сошка. Патруль санации. Когда Главные ушли, остались Чистильщики. Ходят по квартирам, собирают остаточное биополе. Тех, кто совсем погас, они просто развеивают пеплом. А тех, в ком еще искра тлеет... они рвут на части. Медленно. Чтобы эссенция сочилась дольше. Им нравится вкус ужаса пополам с надеждой.

Чистильщик вошел сюда, когда я пыталась дозвониться в скорую. Телефон расплавился в моих руках. А он встал в дверях. Маленький, по грудь мне. Похож на паука, если бы пауки делались из черного стекла.

Он не говорил. Он открыл грудную клетку. Там, где у людей сердце, у него был кристалл. И он начал... пылесосить. Мой страх втягивался в него лучом. Боль уходила вместе со светом из глаз. Я думала, что умираю. А потом... потом я разозлилась.

Алексей наклонился ближе, боясь пропустить хоть слово. История сходилась с ума, но детали были слишком точными для бреда.

— Разозлилась? — повторил он.

— Да. Вспомнила, как муж мой покойный, капитан-танкист, учил меня стрелять из Макарова на полигоне. «Игнатъевна, — говорил, — главное в оружии не калибр. Главное — злость. Пока ты ненавидишь врага больше, чем боишься смерти, ты живой».

У меня под подушкой уютно лежит. Старый, советский. «Витек». Тяжелый. Я его швырнула. Попала прямо в его стеклянную морду. Он от неожиданности канал свой закрыл. Луч иссяк. А я на него сверху прыгнула. Старая бабка, сто килограмм чистого веса. Навалилась и давя. А он хрупкий оказался. Как лампочка перегорел. Рассыпался. Только лужа черная осталась.

Валентина Игнатъевна перевела взгляд на свою правую руку. На обугленный обрубок плеча. — Но пока я его давила, он успел... договорить. Успел взять свое. Сунул мне в плечо жало свое раскаленное и провернул. Забрал всё. Память о муже. Память о сыне. Осталось только... — она обвела взглядом разгромленную комнату. — ...только понимание. И счетчик времени.

Она закрыла глаза. Ресницы, редкие и светлые, трепетали, как крылья умирающей бабочки. — Ты спрашивал, кто они, лейтенант. Слушай внимательно. Тебе пригодится. Может, успеешь передать кому, прежде чем тебя в труху сотрут.

Голос ее стал тише, превратился в едва различимое сипение: — Они не пришельцы. Пришельцы — это те, кто прилетает на тарелках и просит бензина. Эти — хозяева. Земля — это их инкубатор. Сорок тысяч лет назад они нашли здесь обезьян. Умных, но ленивых. Впрыснули им ген покорности. Сделали Адама. Золото им наше нужно было? Бред собачий. Золото — проводник хреновый. Им нужна была матрица.

Мы — батарейки, летёха. Но не те, которые энергию дают. Мы — жесткие диски. Каждый человек — это терабайт уникальной информации. Эмоций. Любви. Предательства. Искусства. Всего того, что нельзя синтезировать формулой. Вселенная огромна, холодна и пуста. Творцы наши... они выгорели изнутри. Их цивилизация достигла потолка материи. Они умеют двигать звезды, но забыли, зачем зажигать свет.

А мы... мы умеем плакать под дождем. Мы умеем писать стихи, зная, что завтра умрем. Эта иррациональность, этот ваш бардак душевный — для них это деликатес. Амброзия. Нектар богов. Они пришли собирать урожай.

Пирамиды — это элеваторы. Резонансные башни, которые четыреста веков копили вибрации наших душ в магнитном поле Земли. А когда поле насытилось, они прорвали мембрану. Пришли забрать свои амбары.

Валентина Игнатъевна дернулась всем телом. Глаза распахнулись. В них плескался животный ужас. — Слышишь? — прохрипела она, цепляясь окровавленной рукой за рукав камуфляжа Алексея. — Слышишь музыку?

Алексей напряг слух. За окном, за стенами дома, за пределами этого маленького островка света от люстры, действительно звучал звук. Низкий, вибрирующий гул. Басовая нота такой частоты, что зубная эмаль ныла. Звук рос, заполняя собой пространство. Это был звук настройки гигантского оркестра перед исполнением реквиема.

— Это Камертон, — прошептала старуха. Слезы снова покатились по ее лицу, но она их не замечала. — Они настраивают планету. Сейчас частота совпадет с резонансом человеческого кальция. Наши кости станут водой. Весь вид исчезнет за один вдох. Станет удобрением для их новых садов, где будут расти цветы из чистой математики.

— Как нам остановить это?! — крикнул Алексей, трясая ее плечи. Паника, которую он сдерживал последние часы, прорывалась наружу ледяным отчаянием. — Где их база?! Чем убить главный корабль?!

Валентина Игнатъевна посмотрела на него долгим, жалостливым взглядом. Взглядом воспитательницы на глупого ребенка, пытающегося победить танк куском пластилина. — Убить?

— она снова издала тот сухой, кашляющий смешок. — Нельзя убить океан ложкой, лейтенант. Ты убил одного. Молодец. Настоящий герой. Только их флот размером с орбиту Юпитера.

Она притянула его голову вплотную к своему лицу. От нее пахло смертью, йодом и старым советским мылом. — Слушай последнюю команду штаба, — выдохнула она. — Забудь про спасение масс. Массы уже списаны. Спасай аномалии.

— Какие аномалии? — Алексей почти кричал, потому что гул за окном становился невыносимым, стекла в серванте начали мелко вибрировать.

— Тех, кого Система пропустила, — губы старухи окрасились алым. — Мой внук. Сережа. Он рассыпался песком, верно? Но песок... песок собрался обратно. Я видела из окна час назад. Дети... некоторые дети не рассеиваются. Они становятся стеклом. Прозрачными. Аннунаки проходят сквозь них, как через пустоту. Дети их не видят. Они невидимы для сканеров.

И еще... сумасшедшие. Те, у кого в голове изначально была путаница. Шизофреники. Их провода перекрещены. Сигнал Форматирования вызывает у них не послушание, а агрессию. Они кусаются.

Иди туда, где земля неправильная. Где компас сходит с ума. Там, под старыми храмами, лежат их старые машины. Машины, которые строили не они, а те, кто был ДО них. Древние враги Аннунаков. Если найдешь способ активировать Старый Код... может быть, стены крепости поднимутся. Хотя бы вокруг одного города. Хотя бы на один день.

Тело Валентины Игнатьевны внезапно обмякло в его руках. Голова запрокинулась. Глаза остекленели, уставившись в лепнину потолка. Жизнь ушла из нее мгновенно, словно кто-то просто выдернул вилку из розетки. Та самая «искра», о которой она говорила, погасла.

Алексей осторожно, почти бережно опустил сухонькое тело старушки обратно в кресло. Сложил ее руки на коленях. Одну целую, вторую — страшный обрубок. Поправил сбившийся воротник халата.

За окном раздался оглушительный треск. Кирпичная стена дома напротив — добротная советская кладка в два кирпича толщиной — сложилась гармошкой и осыпалась вниз мелкой пылью, обнажая внутренности квартир, залитые красным светом неба.

Гул перешел в фазу физического давления. Барабанные перепонки Алексея не выдержали. Мир поплыл, теряя четкость. Он понял, что сейчас начнется финальная стадия очистки сектора. Дом не выдержит акустического удара.

Лейтенант поднялся. Ноги казались чужими, ватными. Он посмотрел на мертвую Степановну. Потом на свой пистолет на столике. Затем на тяжелый армейский рюкзак.

«Забудь про спасение масс. Спасай аномалии».

Алексей подошел к секретеру, который валялся на боку. Выдвинул нижний ящик. Среди квитанций за коммуналку и мотков пряжи лежал пухлый конверт, перетянутый резинкой. Фотографии. Десятки фотографий внука. Сергея. Инвалида-колясочника, которого бабушка боготворила.

Если есть шанс, что ребенок стал «невидимкой»... Если генетический дефект защиты от внушения передал ему способность уходить из-под фокуса систем аннунаков...

Базальт сунул конверт во внутренний карман куртки. Туда же лег паспорт Валентины Игнатьевны. Оставлять документы на съедение пыли он посчитал предательством.

Дом содрогнулся. С потолка посыпалась штукатурка. Лампа под потолком лопнула, засыпав осколками ковер, и комната погрузилась в кровавый полумрак уличного зарева.

Алексей надел рюкзак. Застегнул ремни. Попрыгал на месте, привычно распределяя вес. Он подошел к выходу из квартиры. Обернулся в последний раз, отдавая честь тени женщины, которая дала ему единственный работающий алгоритм выживания в новом мире.

— Спасибо за наводку, Игнатьевна, — тихо сказал он. — Постараюсь не подвести.

Выходя в подъезд, он услышал, как за его спиной с грохотом обрушивается фасад здания, превращая квартиру номер сорок два в братскую могилу и эпицентр локального землетрясения.

Улица встретила его ревом рушащегося бетона и криками тех, кто еще не успел стать пылью. Небо над городом окончательно почернело, и сквозь него теперь проступали очертания колоссальных геометрических фигур, заслоняющих остатки солнечного света.

Алексей поправил лямку автомата на груди, крепко сжал рукоять дедовского ТТ и побежал. Побежал не к спасению, не к военным базам, которых, скорее всего, уже не существовало. Он бежал искать детей-призраков и безумцев. Он бежал искать древние ошибки в чужом программном коде.

Глава 4. Столкновение в руинах

Город перестал быть городом. Екатеринбург, этот стальной хребет Урала, превратился в декорацию к фильму-катастрофе, снятому режиссером-садистом с неограниченным бюджетом на спецэффекты.

Алексей бежал по проспекту Космонавтов уже третий час. Бежал — это громко сказано. Он двигался перебежками от укрытия к укрытию, используя тактику «крысы в лабиринте». Прямой путь был самоубийством. Широкие проспекты превратились в аэродинамические трубы смерти: багровые вихри несли по ним мелкий мусор, обрывки рекламных баннеров и человеческие останки, превращенные в серый пепел тепловыми ударами.

Небо больше не имело цвета. Оно стало физическим весом. Тяжелая, маслянистая чернота давила на плечи, заставляя сутулиться. Солнце исчезло окончательно, уступив место пульсирующим венам фиолетовых молний, которые били не вниз, в землю, а параллельно горизонту, прошивая пространство между высотками ослепительными нитями. Каждая такая вспышка оставляла после себя запах озона и привкус жженого пластика во рту.

ТТ снова висел на поясе. Пустой магазин Алексей выбросил еще два квартала назад. Теперь единственным рабочим аргументом служил старый добрый АКМ, добытый ценой сломанного пальца у мертвого сотрудника вневедомственной охраны возле разграбленного ювелирного магазина. Автомат пах свежей смазкой и чужим страхом. Три полных рожка в разгрузке. Это делало Алексея Базальта самым богатым человеком на ближайшие пятьсот метров любого пространства.

Его целью была войсковая часть № 45872 — база хранения бронетехники за Северным автовокзалом. Если где-то и остался островок государственности, способный организовать оборону или хотя бы массированную эвакуацию офицерского состава, то только там. Связи не было. Карты в телефоне превратились в бесполезные картинки. Ориентироваться приходилось по памяти и дыму. Дым указывал на места пожаров, которых становилось все меньше — гореть в городе, превратившемся в стекло и бетонную пыль, было практически нечему.

Впереди показалась громада торгового центра «Кит». Вернее, то, что от него осталось. Огромное здание сложилось внутрь себя, как карточный домик, оставив лишь фасадную стену, нависающую над перекрестком жутким монолитом. Именно здесь Алексей решил срезать путь через дворы.

Он замер за углом трансформаторной будки, вслушиваясь в новую симфонию конца света. К гулу небес добавился звук стекла. Методичный, ритмичный хруст. Кто-то целенаправленно работал ломом внутри развалин ближайшего супермаркета. Мародеры.

Базальт инстинктивно прижался к холодному бетону. Логика военного говорила ему обходить любую активность стороной. В условиях распада государства мародер перестает быть просто грабителем. Лишившись страха перед законом, такие люди быстро теряют человеческий облик. Страх смерти делает их изобретательными, а отсутствие эмпатии — невероятно жестокими. Одиноким вооруженный путник для них — идеальный приз: оружие, медикаменты, чистая вода и обувь.

Алексей начал медленно пятиться назад, вжавшись спиной в стену. Гравий под берцем предательски хрустнул. Звук ломающегося стекла мгновенно оборвался. Наступила тишина, которая всегда страшнее шума.

— Эй, служивый! — голос прозвучал хрипло, насмешливо. — Куда собрался? Мы же свои, погоны вроде одинаковые... были когда-то.

Из пролома в цоколе здания вынырнула фигура. За ней вторая, третья. Всего семеро. Это были не профессиональные военные. Форма отсутствовала. Одежда представляла собой дикую смесь из спортивных костюмов, кожаных курток и строительных оранжевых жилетов поверх

грязных пуховиков. Но в руках они держали серьезное железо. Армейские дробовики двенадцатого калибра, переделанные травматические пистолеты, один охотничий карабин «Сайга» и арматурные прутья, обмотанные изолентой.

Главарь сделал шаг вперед. Низкорослый, широкоплечий мужик с лицом, покрытым сизой щетиной и свежим шрамом через всю левую щеку. Глаза у него были бледными, почти прозрачными. Такими глазами смотрят люди, заглянувшие в бездну и увидевшие, что бездна им улыбнулась.

— Лейтенант ВДВ, — констатировал главарь, кивнув на тельняшку, выглядывавшую из-под куртки Алексея. — Заплутал, касатик? Ищет свою часть, чтобы Родину защищать. А Родины-то, милый мой, тютю. Сгорела вместе с Генштабом.

Остальные шестеро начали заходить с флангов, растягиваясь полукругом. Расстояние сократилось до десяти метров. Идеальная дистанция для картечи. Один выстрел из «Сайги», и лейтенанту разорвет брюшную полость раньше, чем он успеет вскинуть свой укороченный автомат.

— Я просто прохожу мимо, — ровным голосом сказал Алексей. Рука лежала на цевье автомата, но палец пока не касался предохранителя. Резкое движение сейчас означало гарантированную смерть. — У меня нет воды. Нет еды. Патроны берегите.

— Да мы знаем, что у тебя есть, — ослабил главарь, демонстрируя металлические фиксы. — Мы тут со вчерашнего дня пасем эту тропку. Хорошее место. Открытое. Технику видно издалека. Вот таких вот правильных мальчиков, как ты, сюда магнитом тянет. Дисциплинированные вы. По уставу ходите даже когда небо падает.

Тот, что стоял слева, коротко хохотнул и передернул затвор помпового ружья. Звук лязгнувшего металла сработал как спусковой крючок для ситуации. Напряжение достигло критической массы.

— На колени, — приказал главарь. — Медленно. Автомат на землю. Держись — сын останется без отца. Хотя какой из тебя отец при такой морде кирпичом...

Алексей смотрел сквозь него. Он просчитывал траектории. Семь целей. Главарь в центре. Справа двое с гладкостволом — самая большая угроза на ближней дистанции. Слева трое. Сзади чисто — открытая площадь простреливается. Вариантов отхода ноль. Вариантов сдачи тоже ноль. Эти ребята не берут пленных ради выкупа. Они берут трофеи, а носителя трофеев пускают в расход, чтобы не маячил перед глазами.

— Последнее предупреждение, лейтенант, — главарь поднял обрез двустволки, направив его точно в переносицу Базальта. — Колени. Или я тебе лоб разукрашу так, что мама не узнает.

Алексей выдохнул. Расслабил плечи, имитируя капитуляцию. Опустил взгляд, словно признавая поражение. Его пальцы отпустили цевье и скользнули вниз...

И в этот момент мир изменился. Хруст гравия раздался не со стороны бандитов. Он пришел сзади. Но это был не шаркающий шаг испуганного беженца и не крадущаяся походка грабителя. Это был звук тяжелых армейских ботинок с высоким берцем, ступающих уверенно, равномерно и абсолютно бесшумно благодаря мягкой каучуковой подошве. Шаг. Пауза. Шаг. Пауза. Ритм машины.

Бандиты услышали его одновременно. Полукруг дрогнул. Главарь резко обернулся, переводя ствол обреза в темноту проулка между торговым центром и жилым домом. — Какого хрена?! Мы территория поделена!

Из тени вышли трое. Они не прятались. Не целились. Они просто стояли, застыв в метре от края тени, куда не доставал багровый свет догорающей заправки. На них была экипировка класса «Высотник-Рейдер». Черная, матовая, поглощающая свет ткань комбинезонов. Никаких шевронов, никаких знаков различия. Поверх брони — тяжелые плитоноски пятого класса защиты. На головах — шлемы-сферы с поднятыми тактическими очками, забрала которых

представляли собой односторонние зеркала. Алексей видел свое искаженное, напряженное отражение в трех экземплярах, но лиц незнакомцев рассмотреть не мог.

Но главным было не снаряжение. Главным была физика их присутствия. От этих троих исходило ощущение абсолютной угрозы, сравнимое с тем, что Базальт испытал в переулке рядом с убитым аннунаком, но лишенное мистического ужаса. Это была чистая, дистиллированная опасность профессионала.

Один из троих чуть склонил голову набок. Микродвижение. Из динамиков его шлема, встроенных прямо в уши, раздался голос. Спокойный, лишенный эмоций, с легким металлическим призвуком вокодера: — Ваша территория аннулирована протоколом безопасности сектора. Сложить оружие. Лицом к стене. Ждать конвой.

Мародеры опешили. Они ожидали встретить военных запаса, полицию или таких же дезертиров. Они не ждали появления третьей силы. Силы, которая ведет себя так, будто город внизу — это просто режимный объект, а они сами — внутренняя охрана.

— Ты че несешь, дух? — взревел главарь, пытаясь вернуть себе инициативу криком. Психическая атака часто работает против нерешительного противника. — Какой нахрен протокол?! Валите отсюда, пока ноги целые! Нас семь рыл! Вы хоть знаете, с кем говорите?!

Оператор в черном комбинеzone отреагировал. Реакция заняла две десятых секунды. Его правая рука плавно поднялась. В ней оказался пистолет. Не стандартный Макаров или Грач. Что-то угловатое, массивное, с толстым цилиндрическим стволом и интегрированным глушителем странной формы. Оружие выглядело футуристично и хищно.

Выстрела Алексей не услышал. Был только тихий хлопок, похожий на удар ладонью по плотной подушке, и яркая фиолетовая вспышка на груди главаря. Обрез выпал из рук мародера. Сам он не упал сразу. Сначала его тело потеряло структурную целостность ниже грудной клетки. Ноги подогнулись, превратившись в мешок с костями. Верхняя половина туловища осталась стоять вертикально еще секунду, прежде чем рухнуть в лужу собственной крови, которая почему-то имела неестественно густой, темно-бордовый, почти черный оттенок.

Трое в черном пришли в движение. Это нельзя было назвать перестрелкой. Перестрелка подразумевает обмен огнем. Здесь обмена не было. Была утилизация. Второй налетчик, стоявший справа, успел вскинуть свою «Сайгу». Он нажал на спуск. Гроыхнул выстрел, заряд картечи ушел в молоко, ушед высоко вверх — руки стрелка тряслись от первобытного ужаса, вызванного мгновенной смертью вожака.

Черный оператор сместился вбок текучим, невозможным для человека движением. Он прошел сквозь траекторию ствола, оказываясь вплотную к мародеру. Блок левой рукой, отводящий оружие в сторону. Удар правой. Удар не был боксерским. Кулак черного врезался бандиту в солнечное сплетение. Раздался звук лопнувшего арбуза. Налетчика отбросило на три метра назад, он впечатался в кирпичную стену и сполз по ней, харкая черной желчью. Его бронжилет прогнулся внутрь, сплющив грудную клетку в плоский блин.

Оставшиеся пятеро бросились бежать. Дикие инстинкты самосохранения взяли верх над жадностью. Они рассыпались в разные стороны, петляя среди разбитых машин.

— Стоять, — произнес тот же спокойный голос в динамиках.

Один из операторов вскинул руку с каким-то компактным устройством, напоминающим гибрид джойстика и лазерной указки. Он провел красной точкой по убегающим спинам. Устройство издало тонкий свист. Воздух впереди бегущих мародеров пошел рябью, искажаясь, как над раскаленным асфальтом. Пространство свернулось в тугой узел. Первый бегущий налетчик влетел в эту зону искажения. Его буквально завязало в узел. Кости захрустели, плоть рвалась с влажным звуком, и человек превратился в алый фаршевый ком размером с футбольный мяч, который беззвучно упал на асфальт.

Остальные замерли. Инстинкт подсказал им, что физическая скорость больше не имеет значения. Правила физики изменились.

За следующие сорок секунд черные ликвидаторы методично собрали остатки банды. Никакой стрельбы очередями. Только одиночные хлопки фиолетовых вспышек, глухие удары тел о бетон и нарастающий запах озона. Через минуту улица была чиста. Семь живых существ превратились в семь биологических отходов.

Базальт стоял неподвижно, прижимаясь к трансформаторной будке. Сердце пыталось пробить ребра. Адреналин выжигал мышцы. Он только что избежал смерти дважды за десять минут. Сначала от рук безумцев, затем от рук тех, кто этими безумцами позавтракал.

Трое в черном синхронно опустили оружие. Тот, кто говорил, подошел к Алексею. Остальные встали по бокам, контролируя крыши и окна. Их движения были идеально скоординированы. Ни одного лишнего жеста. Биологические роботы высшей пробы.

Остановившись в двух метрах от лейтенанта, оператор снял шлем. Лицо оказалось обычным. Мужское, славянского типа, лет тридцати пяти. Высокие скулы, короткий ежик седых волос, вертикальный шрам над левой бровью. Единственное, что выбивалось из образа обычного спецназовца — глаза. Радужка была неестественного, стального серого цвета, без зрачков. Или зрачки сливались с белком, создавая эффект пустой глазницы. И самое главное — полное отсутствие усталости. После бойни дыхание оператора оставалось ровным, на лице не проступило ни капли пота.

— Лейтенант Базальт Алексей Иванович, — произнес мужчина. Это был не вопрос. Утверждение. — Идентификатор ВСН-404. Приказ о переводе в пункт постоянной дислокации «Алтай» аннулирован распоряжением Ставки Верховного Командования от сегодняшнего утра. Время: четырнадцать часов по Москве.

Алексей сглотнул. Ком встал в горле. Откуда эти терминаторы знают его личное дело? Приказ о переводе был секретным, проходил по закрытым каналам связи округа. — Кто вы? — прохрипел он. — Спецуправление ФСБ? ГРУ?

Мужчина позволил себе едва заметную кривую усмешку одним уголком губ. — Мы те, кого ваш генерал Хоу пытался застрелить в Женеве. Поздравляю, лейтенант. Ультиматум Творцов вступил в силу. Правительства капитулировали. Армии распущены. Человечество переведено в статус биологического шлака. Кроме нас.

Он сделал паузу, давая информации провалиться в контуженый мозг лейтенанта. — Проект «Эхо». Специальный резерв Генерального Штаба РФ. Глубокое внедрение. Автономные ячейки последнего рубежа. Наш код доступа зашифрован в самой структуре ДНК людей, чьи показатели стрессоустойчивости превышают девяносто восьмой перцентиль. Аннунаки сканируют планету на предмет агрессии и оружия массового поражения. Но они плохо понимают концепцию индивидуального неповиновения системным протоколам. Для них твой дедовский ТТ и твоя жажда добраться до своих — это статистическая погрешность. Мусор. Этим мы и пользуемся.

Второй оператор, доселе молчавший, шагнул вперед и протянул Алексею руку. На ладони лежал небольшой полимерный прямоугольник. Карта памяти. — Маршрут эвакуации базы 45872 перекрыт Титанами. Там мясорубка. Броня плавится за секунды. Добраться туда пешком невозможно. Тебе нечего там делать, лейтенант. Твоя война закончилась.

— Мой долг... — начал Алексей, чувствуя, как внутри закипает знакомая злость.

— Твой долг теперь здесь, — отрезал первый оператор. Он указал пальцем на труп главаря мародеров. — Видишь этого парня? Он — будущее человечества, если мы проиграем. Стадо. Паникующие приматы с острыми палками. Аннунаки будут пасти их шелчком пальцев. Затем он указал на самого Алексея. — А ты — аномалия. Степановна успела передать данные, прежде чем ее стерли. Она назвала тебя «Летёха с гнильцой в системе». То есть, ты непредсказуем. Ты убил Искаря старой железкой. Этого не должно было случиться. Матрица дала сбой. Нам нужны сбои. Нам нужен вирус в их идеальном плане дезинфекции.

Оператор наклонился ближе. Зеркальное забрало его собственного шлема отразило лицо Базальта. — Мы выводим из-под удара ученых, детей с генетическими мутациями и инженеров старых убежищ. Тихо. Под носом у Бога. Нам нужны проводники. Те, кто умеет ходить по мертвым зонам и оставаться невидимым для их сенсоров совести. Ты переходишь под мое командование. Облачение роты ВДВ отменяется. Теперь ты работаешь на Эхо.

Алексей посмотрел на карту в руке незнакомца. Затем перевел взгляд на дымящиеся руины Екатеринбурга. Где-то там, в другом конце города, жила его сестра с пятилетней дочерью. Если верить этим людям, шансов найти их живыми нет. Город стал крематорием. Но если остаться одному, он станет просто еще одной единицей в статистике потерь. Случайным везунчиком, который рано или поздно нарвется на патруль Творцов и будет разобран на атомы. Здесь же предлагали структуру. Информацию. И возможность больно ударить в ответ.

— Как мне вас называть? — спросил Базальт, пряча карту во внутренний карман, поближе к сердцу.

Оператор надел шлем обратно. Лицо исчезло, сменившись зеркальной пустотой. — У нас нет имен. Есть номера. Меня зовут Дельта. Он развернулся к своим. — Выдвигаемся. До точки сбора шесть километров. Нужно пройти сектор до включения Второго Резонанса. Небо скоро начнет резать металл.

Дельта пошел первым, ныряя в узкую щель между стеной жилого дома и завалом из строительного мусора. Двое его спутников двинулись следом, растворяясь в тенях.

Алексей постоял еще мгновение, сжимая рукоять автомата. Он посмотрел на тела мародеров. Жалости не было. Профессиональная деформация давно вытравила сочувствие к тем, кто выбирает путь шакала. Затем он посмотрел вслед Дельте. «Проект Эхо». Призраки внутри апокалипсиса.

Лейтенант поправил рюкзак, удобнее перехватил АКМ и быстрым шагом направился за своими новыми командирами. Впервые за последние сутки он почувствовал не холодный ужас перед неизбежным концом, а азарт охотника. Если правила игры написаны психами из космоса, значит, нужно перестать играть по правилам. Нужно начать ломать саму доску.

Резонанс ударил внезапно. Багровая молния перечеркнула небо прямо над их головами. Асфальт под ногами пошел трещинами. Но группа черных фигур даже не замедлила шага, уходя вглубь мертвых кварталов, прочь от великой бойни, навстречу войне, которой еще никто не объявил.

Глава 5. Спецотряд «Звезда»

Путь сквозь мертвый город напоминал движение по дну пересохшего океана, где вместо коралловых рифов возвышались остовы небоскребов, а роль хищных рыб выполняли электромагнитные аномалии и стаи обезумевших людей. Группа Дельты двигалась с пугающей эффективностью. Для Алексея Базальта, привыкшего к ритму десантного подразделения — короткая перебежка, падение на колено, прикрытие товарища — их манера передвижения казалась чем-то из области научной фантастики.

Они не бежали. Они текли. Дельта шел первым, его фигура в черном комбинезоне сливалась с тенями так плотно, что иногда казалось, будто у отряда просто исчез командир, чтобы появиться через сто метров впереди. Двое бойцов замыкали колонну, постоянно оглядываясь назад, но делали это без поворота головы — обзор обеспечивали панорамные камеры шлемов, проецирующие картинку прямо на внутреннюю поверхность визора.

Воздух становился плотнее. Тот самый инфразвуковой гул, о котором предупреждала умирающая Степановна, нарастал с каждой минутой. Он вибрировал в зубах, заставлял мочевой пузырь сжиматься от первобытного страха и превращал мысли в густой кисель. Алексей боролся с желанием бросить автомат, упасть лицом в грязный снег, которого почти не осталось на выжженных улицах, и закрыть уши руками. Но он смотрел на спины своих новых спутников. Их осанка оставалась безупречной. Никакой дрожи. Никакого пота на висках под тактическими очками.

— Частота растет, — раздался в гарнитуре голос идущего перед Алексеем бойца. Позывной — Моряк. Голос был лишен интонаций, словно говорил синтезатор речи. — До болевого порога мягких тканей десять минут. Начинаю подачу нейростабилизатора.

Шлем на голове Моряка едва слышно щелкнул. Тонкая игла автоматического инъектора коснулась яремной вены. Алексей почувствовал укол за секунду до того, как увидел механическое движение манипулятора. Химия ударила в кровь мгновенно. Гул никуда не делся, но перестал быть физическим мучением. Он превратился в фоновый шум, белый треск старой радиолы. Мысли снова стали четкими и холодными.

— Не дергайся, лейтенант, — бросил Моряк, не оборачиваясь. В руках он держал странное оружие: нечто среднее между укороченным пулеметом и медицинским сканером, покрытую множеством датчиков и ребер охлаждения. — Твоя эндокринная система сейчас пытается залить тебя кортизолом. Препарат блокирует рецепторы страха. Ты останешься трусом, но перестанешь гадить в штаны при виде Титанов. Удобно для статистики выживаемости.

Алексей ничего не ответил. Спорить с человеком, который только что в одиночку уничтожил банду мародеров тремя выстрелами из оружия, не оставляющего входных отверстий, было контрпродуктивно. Лейтенант лишь крепче сжал цевье своего АКМ. Старый Калашников казался детской игрушкой на фоне арсенала группы «Эхо», но пока это была единственная вещь, которая ощущалась абсолютно реальной и понятной.

Точка сбора находилась там, где логика градостроительства встречалась с паранойей холодной войны. Бывший городской крематорий, перестроенный в девяностые годы в торгово-логистический комплекс категории «А», а затем заброшенный из-за проблем с фундаментом. На самом деле проблемы с фундаментом были легендой прикрытия. Под бетонными плитами парковки располагались четыре уровня подземных холодильных камер, которые идеально подходили для размещения серверных станций, лабораторий биозащиты и личного состава численностью до роты.

Вход выглядел как обычный дебаркадер для разгрузки фур. Разбитые роллеты, рассыпанные коробки с давно сгнившим товаром. Никаких часовых. Никаких прожекторов. Моряк поднял сжатый кулак. Группа замерла, распластавшись за укрытиями. Наступила фаза абсолютного молчания. Даже сервоприводы экзоскелетов (Алексей только сейчас заметил тонкие титановые стержни, бегущие вдоль позвоночника и конечностей некоторых бойцов) перешли в беззвучный режим.

Дельта извлек из набедренной панели тонкий планшет. Экран оставался темным. Командир провел пальцем по воздуху над матовым стеклом. Планшет считывал микромоторику движений, переводя ее в сложный шифрованный код. Спустя пять секунд кусок бетона в стене склада весом около тонны ушел внутрь, открывая узкий вертикальный лаз.

— Чисто, — прошелестело сразу несколько голосов в эфире. Тепловизоры и датчики движения подтвердили отсутствие биологических объектов внутри периметра.

Один за другим бойцы «Эха» исчезали в темноте. Алексей спускался последним, если не считать замыкающего. Лестница была стальной, ледяной. Она уходила вниз на глубину двадцати метров. Запахи менялись: гарь города осталась наверху, здесь пахло озоном, сухим воздухом кондиционеров и канифолью.

Бункер встретил их стерильной белизной. Это не было сырое бомбоубежище с двухъярусными кроватями. Коридоры были облицованы белым пластиком медицинского типа. Светодиодные ленты горели ровным, спокойным светом. По левую руку тянулись герметичные двери с электронными замками. За одной из них глухо гудел мощный вычислительный кластер, охлаждаемый жидким азотом.

Их ждали. В центральном оперативном зале, куда вывел широкий коридор, находилось около тридцати человек. Но военных среди них было немного. Большинство сидело за терминалами, сгорбившись над графиками волновых функций и трехмерными моделями кристаллических решеток. Воздух был густым от запаха крепкого кофе, перегретых плат и валерьянки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.